ISSN 2541-8947 (On-line)

Научно-просветительский журнал Теология. Философия. Право.

#4 (8) 2018

Scientific and Educational Journal Theology. Philosophy. Law.

www.theophil.ru

18+

Рецензируемый

научно-просветительский журнал

ТЕОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО / THEOLOGY. PHILOSOPHY. LAW.

№ 4 (8) от 30.12.2018

Главный редактор

А.М. Иванов (Владивосток)

Редакционная коллегия

А. В. Алексеев (Псков), Ю. В. Аргудяева (Владивосток), О.А. Дмитриева (Волгоград), А. А. Иванов (Тольятти), С. В. Каменев (Владивосток), А. Г. Корчагин (Владивосток), О.Г. Ларина (Курск), С. В. Шошин (Саратов)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций как сетевое издание. Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-66963 от 25.08.2016 г.

Учредитель и издатель журнала
Алексеев Алексей Викторович.

Периодичность - 1 раз в квартал.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Материалы статей публикуются в авторской редакции. Авторы несут полную ответственность за подбор и грамотное изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды не обязательно совпадают со взглядами редакции.

При перепечатке и использовании материалов статей ссылка на журнал обязательна.

Электронная почта редакции: **feophill@gmail.com**
Номер телефона редакции: + 7 (985) 7217699
.

Адрес в сети интернет: **www.theophil.ru**

ISSN 2541-8947 (On-line)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Слово к читателю ……4

СТАТЬИ / ARTICLES

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / THEOLOGICAL, LEGAL AND PHILOSOPHICAL RESEARCHS

Белый К. В. Библейская концепция теократической монархии ……..... 7

Шибаева К. В. Холова Л. С. Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне……...… 28

Серобян Г.А. и Яковенко А.А. Этико-правовые проблемы использования систем искусственного интеллекта……...…...42

Мамчуева А. А. Доведение до самоубийства: объективные и субъективные признаки……...…51

Козак Л. Л. Корчагин А.Г. Некоторые проблемы корпоративного договора…..….60

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Иванов А. М. Отзыв на статью Г.А. Серобян и А.А. Яковенко «Этико-правовые проблемы использования систем искусственного интеллекта» ……... 72

Слово к читателю

Знакомясь с содержанием настоящего номера, читатель может обратить внимание, с одной стороны, на то, что авторы номера представляют Россию «от Москвы до самых до окраин», с другой стороны, что представленные работы взаимосвязаны и не только отражают все основные рубрики журнала, но и содержание их позволяет мысли читателя плавно переходить от одной рубрики к другой.

В разделе «Теологические исследования» представлена «Библейская концепция теократической монархии». Автор, Белый К.В., увидел в исследовании монархии в Древнем Израиле актуальность для ситуации в современной России, строящей демократическое государство. Исследование, по мнению автора, представляет библейское учение о монархии как целостную систему взглядов и выделяет основные положения библейской концепции теократической монархии. По мимо прочего, в работе затрагиваются соотношения Царя (а, значит, центральной власти) и Закона, Царя и народа. Возможно, читатель, оглянувшись на современную идею создания «правового государства», где также «царствует Закон», увидит в статье корень этой идеи? От действий царя в значительной степени зависело нравственное состояние подданных и благосостояние государства. Именно эта концепция, заключает автор, в которой царь являлся викарием Бога, предстоятелем и предводителем народа, но не полновластным властителем, органично перешла затем в зарождавшуюся христианскую политическую культуру, став одной из ее ключевых составляющих.

Власть, по определению, призвана заботиться о своем народе, а это наилучшим образом можно осуществить, живя в мире с другими народами. Эта мысль как бы продолжает свое развитие в Разделе «Философско-правовые исследования», который содержит две статьи. В первой, «Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне» Шибаева К.В. и Холова Л.С. предлагают читателям осмыслить весьма серьезную проблему гуманности в контексте разработки и

применения искусственного интеллекта на войне. Отражены позиции «за» и «против» представителей научного сообщества, продемонстрированы возможные исходы событий. Рассмотрена этическая сторона такого явления как применение смертельных автономных систем вооружения. Авторы статьи высказывают озабоченность тем, что новые, неизведанные технологии могут в любой момент времени выйти из-под контроля, однако задаются и вопросом: почему бы не использовать возможности искусственного интеллекта во благо? Доводы могут показаться кому-то спорными, но читатель вполне сможет четко представить себе позицию авторов статьи: Искусственный интеллект не должен восприниматься людьми только с позиции силы, способной уничтожать всё на своём пути, на него необходимо смотреть и с позиции верного соратника, способного помочь.

Вторая статья данного раздела, «Этико-правовые проблемы использования систем искусственного интеллекта» (Серобян Г.А. и Яковенко А.А.), как видно даже из названия, продолжает тему, затронутую К.В. Шибаевой и Л.С. Холовой. В ней также рассматриваются одни из самых дискуссионных вопросов на сегодняшний день, а именно: этико-правовые проблемы применения искусственного интеллекта. Здесь авторы также отмечают, что взгляды на современные технологии очень неоднозначны. Правовое регулирование в данной сфере только на стадии формирования и сложно сказать, с какими трудностями может столкнуться законодатель. Тем не менее, этико-правовые проблемы использования такого феномена как искусственный интеллект уже существуют сейчас и над ними необходимо очень серьёзно поработать, дабы исключить наступления каких бы то ни было последствий от допущенных ошибок.

Раздел «Юридические исследования» также содержит две статьи.

Мамчуева А.А. в статье «Доведение до самоубийства: объективные и субъективные признаки» даёт определение таким основополагающим понятиям как объект и субъект преступления, анализирует объективную и субъективную составляющую преступления доведения до самоубийства. Автор убеждает читателя, что по данной проблеме нет единства мнений, существуют разногласия, как среди специалистов, так и в законодательстве РФ.

В следующей статье данного раздела, «Некоторые проблемы корпоративного договора» (Козак Л.Л., Корчагин А.Г.) обсуждаются вопросы о предмете и сущности института корпоративного договора, сквозь призму свободы договора. Авторы, анализируя судебную практику, выявляют проблемы корпоративного договора и пути их решения. Говоря о проблемах корпоративного договора авторы указывают, что, исходя из основ законодательства о юридических лицах, корпоративного договора, а также судебной практики, определяется отрицательная тенденция в рамках которой происходит нарушение общих принципов осуществления предпринимательской деятельности, а именно ограничений в извлечении прибыли. В настоящий момент, судебная практика подтверждает лишь моменты ограничения в получении прибыли, заменив прибыль (в том первоначальном смысле) на денежную компенсацию. Авторы считают, что законодателю необходимо внести изменения, которые бы касались возможности установления минимальной суммы компенсации за те ограничения, которые устанавливались бы корпоративным договором, закрепить открытый перечень иных действий по управлению обществом для понимания субъектами права примеров возможных правоотношений, а также определения спектра дальнейшего формирования судебной практики.

Завершает журнал раздел «Рецензии», содержащий Отзыв на статью Г.А. Серобян и А.А. Яковенко «Этико-правовые проблемы использования систем искусственного интеллекта» (Иванов А.М.). Рецензент высказывает мысль, что пути решения как этических, так и правовых проблем использования искусственного интеллекта нужно искать в общественных традициях, которые будут тем эффективнее, чем сильнее будет проявляться политическая воля.

Научная и просветительская деятельность журнала в 2019 году – продолжается!

Редакция научного журнала
«Теология. Философия. Право / Theology. Philosophy. Law»

УДК 22.08
ГРНТИ 21.31.51

БИБЛЕЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

Белый Константин Вячеславович
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Исторический факультет,
соискатель, г. Москва
signboard3kb@mail.ru

THE BIBLE CONCEPT OF THEOCRATIC MONARCHY

Konstantin V. Belyj
M.V. Lomonosov Moscow State University,
History department,
Applicant, Moscow

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено библейским представлениям об институте монархии, проблеме и причинам его учреждения в Древнем Израиле. В статье обосновывается возможность представить библейское учение о монархии как целостную систему взглядов и выделяются основные положения библейской концепции теократической монархии.

ABSTRACT

The research is devoted to the biblical ideas about an institution of the monarchy, problems and reasons for its establishment in Ancient Israel. The article substantiates an opportunity to present the biblical doctrine of the monarchy as an integral system of views and highlights main provisions of the biblical concept of theocratic monarchy.

Ключевые слова: Библия, Древний Израиль, монархия, теократическая монархия.

Key words: Bible, Ancient Israel, monarchy, theocratic monarchy.

Среди всех древневосточных текстов, упоминающих генезис монархии, заметно выделяется описание учреждения в царства в Древней Израиле: как особенным вниманием, уделяемых в книгах Царств данному вопросу, так и глубиной, информационной полнотой передаваемой картины. В значительной степени это обусловлено спецификой Библии как уникального исторического источника, не только «обнимающего, по словам отца отечественного востоковедения Б.А. Тураева, весь Древний Восток на всем его хронологическом протяжении» [**18**, 13-14], но и с беспрецедентной для древневосточной литературы тщательностью освещающего важнейшие события священной для ветхозаветной и новозаветной церквей истории, в число которых, несомненно, входит учреждение монархии [**2**, 3].

Первый период в политической истории Древнего Израиля, продолжавшийся от исхода из Египта до окончания эпохи судей, обычно именуется исследователями эпохой теократии. Впервые этот термин встречается в сочинении иудейского философа I в. н.э. Иосифа Флавия, пытавшегося таким образом наиболее точно передать римским читателям уникальность политического устройства Израиля, подчеркивая особую роль Бога как непосредственного Царя, а также значение священства в управлении народной жизнью [**9**].

Мыслители Поздней Античности, Средних веков и Нового времени неоднократно обращались к тематике священной истории Израиля, ища в ней ответы на вопросы своего времени. Однако научное изучение древнееврейской политической традиции и феномена израильской монархии начинается с XIX в.

Израильскую теократию и монархию так или иначе рассматривали в своих трудах как теологи, библеисты, так и историки, социологи, культурологи. Наибольшее внимание этой проблеме уделяли немецкие, английские, а затем американские ученые, например, А. Альт, К-Х Бергнгардт, Г. Бруннер, Л. Шмидт, Г. Фрэнкфорт, С. Хук, Э. Мейер, Д. Кунц и многие другие.

Часть исследователей занимал вопрос об уникальных и общих для макрорегиона элементах религиозно-политической традиции Древнего Израиля, локального осмысления «сакральной царственности» [**19**, 31], других, в особенности библеистов и историков религии, скорее, интересовала проблема эволюции политического строя и возникновения монархии [**6**]. Достаточно быстро выделилось два направления: одни ученые считали переход от системы судий к монархии естественной трансформацией древнееврейского общества и в целом положительным явлением, иные – напротив, признавали в этом событии отклонение от первоначального устройства народной жизни, приведшего впоследствии к политическому кризису.

Между двумя направлениями велась оживленная дискуссия, особенно в протестантской богословской науке и библеистике. Например, Ф. Камфаузен, Г. Эвальд, В. Ирвин считали, что царская власть не соответствует первоначальному строю теократического государства израильтян, которая после создания явилась как нечто чуждое, противное воле Бога. Иные ученые как Г. Клейнерт, С. Шульц оспаривали этот тезис [**5**, 409].

Также один из ключевых вопросов, вокруг которых велась широкая дискуссия, был связан с авторской позицией в книгах Царств относительно института монархии. Исследователи выделяли в тексте элементы домонархических, монархических и одновременно антимонархических представлений. Объяснить их сосуществование многие пытались по-разному, в том числе выдвигая гипотезы о постепенном составлении книг, внесения в них интерполяций зачастую противоположных изначальной идейной установке [**23**, 27-28].

Свой вклад в изучение, осмысление проблемы генезиса и развития монархии в Древнем Израиле, в том числе отражения этого процесса в библейских текстах, внесли и отечественные ученые преимущественно дореволюционного периода. Целая плеяда известных библеистов, богословов, историков и филологов: А.П. Лопухин, М.Э. Поснов, И.Е. Троицкий, И.Н. Корсунский, Л.И. Бриллиантов, Ф.Г. Елеонский и др. занимались разными

аспектами этой темы. Однако в целом позиция российских ученых несколько отличалась от их западных коллег. Главным образом по двум причинам. Во-первых, дореволюционная богословская школа следовала в русле православной экзегетической традиции, хотя и принимала многие достижения библейской критики. А во-вторых, на протяжении XIX столетия в российской академической мысли доминировало положительное восприятие монархического устройства. Безусловно, в этом сказывались не только официальные идеологические установки, но и устойчивая, органичная для большинства населения империи того времени традиция самодержавия.

Наряду с академическими исследованиями в дореволюционной богословской литературе встречались религиозно-публицистические или научно-публицистические сочинения русских священнослужителей, также затрагивавших феномен древнеизраильской монархии [**11**]. Самое известное среди них – сборник «Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных» митрополита Филарета (Дроздова), многократно переиздававшийся до Революции.

В современной богословской литературе проблема генезиса и развития древнеизраильской монархии не является активно разрабатываемой. Впрочем, ряд исследователей, тем не менее, затрагивает ее в своих работах, чаще всего посвящаемых изучению византийской или древнерусской политической традиции, христианской историософии [**10**]. В то же время до сих пор в полной мере не проанализирован вклад дореволюционных ученых в изучение феномена древнеизраильской монархии, что заслуживает отдельного исследования.

Разумеется, политическое сознание древнееврейского общества, отношение к царской власти, видение ее идеала не являлись четко структурированной системой представлений подобной политическим концепциям Нового времени. С другой стороны, наличие определенной концепции царской власти именно как способа понимания ее сущности, целей, задач и предназначения, который формировал отношение к монарху и оценку его деятельности, столь же очевидно.

Именно поэтому многие ученые, обращавшиеся к политической традиции Древнего Израиля, хотя и успешно выделяли основные идеи, концептуальное содержание, однако описывали ее, скорее, как религиозно-политическое учение, отдельную модель ближневосточной монархии или одну из форм теократии. При этом, несмотря на столь длительное и многогранное изучение феномена древнеизраильской монархии, попытка представить ее не только в виде учения, но и как по возможности систематизированную религиозно-политическую концепцию осуществлена еще не была, а основания для этого имеются.

В Библии и особенно ветхозаветных книгах для оценки действующих лиц широко используется категория «пути», бывшая одной из ключевых в сознании древневосточного человека [**13**, 482]. Как отмечают исследователи, в религиозно-мифологическом восприятии окружающего мира, характерном той эпохе, даже земное, видимое пространство выглядело качественно определенным и разнородным. Существовала четкая граница между сакральным и не сакральным, между центром и периферией. Любое движение от центра, уклонение от середины (в том числе срединного пути) было опасным вхождением в зону хаоса, в область, лишенную царственности и закона. Следование же пути мыслилось и как хождение по прямой «царской» дороге, и как жизнь в строго лимитированном пространстве, отделенном от не сакрального [**4**, 61-63].

Из всех древневосточных традиций понятие «пути» было наиболее определенным, безусловно, в древнееврейской культуре. Ветхозаветное общество существовало в парадигме «Закона Моисеева» – комплекса Божественных установлений и предписаний, регламентировавших все основные аспекты жизни представителей избранного народа. Соблюдать Закон должен был в равной мере весь «род израилев» вплоть до предводителей. Без этого оказывалось невозможным сохранение избранного народа от ассимиляции и культурно-религиозного обмена с языческим окружением, а также соблюдение Закона было одним из условий Завета – священного договора между Богом и Израилем. Согласно ему, в случае если потомки Авраама исполняли Закон, то

есть следовали пути Господнему, то и Бог обещал даровать народу благоденствие и защиту от врагов. Причем, этот принцип действовал как по отношению ко всему роду израильскому, так и относительно каждого отдельного его представителя.

О важности идеи следования Закону в представлении древних евреев наглядно говорит высокая частотность упоминания слов «закон», «путь» (угодный Богу) в ветхозаветных текстах. Ко многим героям ветхозаветной истории применяется оценка: следовал или не следовал пути Господню, пути праведному. Но особенно часто используется она в книгах о периоде судий и царей применительно к состоянию народа или действиям его высших представителей.

В данных текстах неоднократно встречаются подобные слова: не ходил путем Господним, путем Давида, путем Асы, а ходил путем неправды – путем Иеровоама, путь царей Израильских и т.д. *И делал Соломон неугодное пред очами Господа и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его* (3 Цар. 11:6). Охозия *делал неугодное пред очами Господа, и ходил путем отца своего и путем матери своей и путем Иеровоама, сына Наватова, который ввел Израиля в грех* (3 Цар. 21:52).

Те же противопоставления встречаются и в других книгах. Например, в книге Притч действующие лица ветхозаветной истории шествуют или нет путем разума (Пс. 9:6), путем добрых (Пс. 2:20), прямым путем (Пс. 14:2), путем правды (Пс. 15:9). *Идущий прямым путем боится Господа; но чьи пути кривы, тот небрежет о Нем, Мерзость пред Господом - путь нечестивого, а идущего путем правды Он любит* (Притч. 14:2). В книге Исход упоминается призыв Иофора к Моисею о пути: *научай их уставам и законам Божиим, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать* (Исх. 18:20). Широко используется категория пути и в Псалтири. *Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит* (Пс. 36:5), *Кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне* (Пс. 100:6). Более того самый объемный и известный псалом – 118 полностью посвящен теме исполнения Закона

Господнего. Слова «закон» и «путь» здесь также синонимичны и взаимосвязаны. *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем … Они не делают беззакония, ходят путями Его* (Пс. 118:1,3).

Эти и многие другие примеры дают основания полагать, что мировосприятию древних евреев было присуща достаточно четкая религиозно-нравственная детерминированность. Вне зависимости от исполнения или преступления Закона, границы между праведным и неправедным во всех основных сферах жизни были, по крайней мере, известны. Несомненно, касалось это и деятельности предводителей, а затем правителей богоизбранного народа, игравших особую роль в жизни Израиля.

Конечно, единого библейского текста, который представлял бы высшим лицам народа пошаговую инструкцию следования праведному пути в деле управления народом не было. Но целый ряд фрагментов Священного Писания прямо или косвенно посвящен деятельности вождей, царей израильских, тому, как в конкретных условиях должен поступать праведный правитель, от чего уклоняться, и в чем сущность его власти.

Большое внимание уделено в ветхозаветных книгах раскрытию положительных и отрицательных образов действующих лиц политической истории. Наиболее важными из них стали образы первых царей израильских, среди которых исключительное место занимает Давид, который стал образом идеального правителя как в древнееврейской, так и христианской традициях [**22**, 242-243]. В силу всего вышесказанного, мы посчитали возможным с помощью комплексного анализа данных фрагментов представить библейский взгляд на монархию в виде концепции, выделив, как минимум, ее ключевые положения.

Богоустановленность царской власти

Первый вопрос, который во многом определял отношение древних евреев к монархии, касается проблемы ее богоустановленности. Книги Судий и Царств достаточно подробно освещают эпизод возникновения в Израиле института царской власти, но в описании этого процесса, как отмечают исследователи,

присутствуют одновременно элементы двух позиций: промонархической и антимонархической.

Некоторые ученые объясняют это тем, что первоначальный текст, вероятно, был дополнен при дворе в более позднее время и, соответственно, иначе интерпретировал генезис царской власти. К примеру, пророк и последний судия Самуил – согласно Преданию, автор последнего стиха книги Судий так резюмирует состояние Израиля к концу домонархической эпохи: *В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым* (Суд. 21:25). В то же время несколько ранее, описывая кратковременное правление царя-узурпатора Авимелеха, приводится причта его брата Иофама о воцарившемся терновнике, которая считается одним из самых ярких антимонархических текстов Библии (Суд. 9:7-15).

Неоднозначная оценка царской власти содержится и в книгах Царств. Когда старейшины обратились к Самуилу с просьбой поставить над ними царя, чтобы судил их как у других народов, он вознегодовал. *И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ним* (1 Цар. 8:6-7). Однако в дальнейшем даже при описании царей, не исполняющих Закон, вопрос о богопротивности или богоустановленности института царской власти в Израиле и Иудее не поднимается. Напротив, престол Давида Господь обещает утвердить *на веки* (2 Цар. 7:13).

Также вводил многих исследователей в недоумение фрагмент более ранней книги – Второзакония, в 17 главе которой содержится довольно обширное пророчество о царстве в Израиле. *И когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня, то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой* (Втор. 17:14-15). Отрицательная библейская критика видела в этом отрывке очевидную интерполяцию монархического или поствавилонского времени. Однако некоторые ученые, придерживаясь традиционного толкования, допускали

принадлежность этого фрагмента к эпохе Моисея. Именно поэтому, на их взгляд, прося царя, представители народа не считали свои действия противоречащими обетованию и, соответственно, незаконными [**5**, 422-423].

В целом, в иудейской раввинистической традиции постепенно утвердилось отрицательное отношение к введению царской власти в Древнем Израиле. Она представлялась Божественным попущением вследствие слабости и неверности евреев принципу теократии на данном историческом этапе. Хорошо выражена эта позиция в пересказе первой книги Царств Иосифом Флавием: «Конечно, от этого, – сказал Предвечный, – раз сделанное уже не изменится, но зато им придется убедиться в необычайной виновности их предо Мною, когда они презрительным своим отношением к Моим желаниям выказали полную свою неблагодарность как ко Мне, так и к твоему пророческому сану. Ввиду всего этого повелеваю тебе выбрать им царем того человека, на которого Я укажу тебе; но при этом ты предваришь евреев о том, каким бедствиям подвергнет их царская власть, и объяснишь им, какие перемены ожидают их впереди» [**8**, 302-303].

В христианской традиции отношение к учреждению монархии в Израиле было несколько иным. В требовании царя ряд экзегетов и христианских писателей также усматривали своевольный акт древних евреев, преступление божественного закона, который, однако, действием Промысла Божьего стал одной из ступеней на пути спасения человечества. Например, блаж. Феодорит Кирский отмечает, что на примере Саула и Давида Господь показал евреям, что не сила и высота необходима для успешного правления, а кротость и богобоязненность. Более того, многие святые отцы усматривали в царствовании Давида явный прообраз будущего мессианского царства, а в личности второго царя – Самого Христа [**17**, 86-87].

При этом сам институт царской власти в святоотеческой традиции никогда не признавался богопротивным. В Священном Писании указывается, что не только вождям и правителям избранного народа Господь дает полномочия управлять подданными, но и языческим монархам. Так, например, Навуходоносор был поставлен по воле Божией над всем Ближним Востоком

(Иер. 27:6; Дан. 2:37). Однако из этого не следует, что все деяния власть предержащих угодны Богу. *Итак, слушайте, цари, и разумейте, научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся пред народами! От Господа дана вам держава, и сила — от Вышнего, Который исследует ваши дела и испытает намерения. Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией. Страшно и скоро Он явится вам, — и строг суд над начальствующими* (Прем. 6:1-5).

Этот отрывок затрагивает одну из важных проблем библейского миропонимания – тему власти священной и попущенной. С одной стороны, в Ветхом и Новом Заветах неоднократно встречаются утверждения о том, что всякая власть исходит в конечном счете от Бога. Наиболее известны в этом смысле два фрагмента апостольских посланий – первое апостола Петра (1 Пет. 2:13-14) и апостола Павла к Римлянам (Рим. 13:1-2). В библейском понимании священен сам институт власти. И поэтому правителю, царю следует повиноваться во всем, что не противоречит Закону Божию. Если же правитель творит беззакония и принуждает к тому подданных – то он фактически становится узурпатором престола.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что царская власть в Древнем Израиле в библейской и, соответственно, христианской традиции осмыслялась как одновременная попущенная и богоустановленная форма политической организации. В сравнении с домонархической теократией, когда Царем в полном смысле именовался исключительно Бог, а руководство избранным народом осуществлялось через пророков, судий – то есть воздвигаемых лично Богом людей, древнеизраильская монархия представляла собой менее совершенную форму устройства жизни Священного Израиля (**12**, 243-244).

С другой стороны, установление монархии произошло по указанию Бога и было использовано во благо: как в мессианских, так и педагогических целях. В виду религиозно-нравственного упадка в еврейском народе, установление

монархии привело в скором времени к недолгому расцвету государственности, а царь Давид стал самым ярким прообразом грядущего Мессии. При этом на примере неблагочестивых царей древние евреи ясно увидели, чем грозит уклонение от принципов теократии в сторону неограниченной монархии.

Избрание монарха

Как мы уже упоминали, в древневосточных политических традициях существовали разные способы воцарения монарха. В древнееврейском государстве в основу лег тот же династический принцип, строго сохранявшийся в Иудейском царстве [**23**]. Однако первые цари – Саул и Давид были избраны непосредственно Богом, поэтому момент божественного избрания родоначальников династии являлся крайне важным.

Кроме того, необходимой считалось угодность Богу любого последующего монарха, его реальное положение помазанника, а не узурпатора престола. В идеале это проявлялось в таком последовательности: 1) признание пророком или некое откровение о конкретном человеке, 2) подтверждение его «избранности» победами, личными достижениями, 3) признание царем элитой и народом [**21**, 88]. В действительности первый пункт встречался не часто. Обычно после смерти царя, воцаряли сына или брата покойного, помазывая его священным миром. И только потом начиналось наблюдение за первыми пунктами: степени богоугодности, которая выражалась в процветании государства или его упадке, победах или поражениях от врагов.

Сам ход избрания древнееврейских царей лучше всего изображен в 4 книге Царств. *И раздал священник сотникам копья и щиты царя Давида, которые были в доме Господнем. И стали скороходы, каждый с оружием в руке своей, от правой стороны дома до левой стороны дома, у жертвенника и у дома, вокруг царя. И вывел он царского сына, и возложил на него царский венец и украшения, и воцарили его, и помазали его, и рукоплескали и восклицали: да живет царь! И услышала Гофолия голос бегущего народа, и пошла к народу в дом Господень. И видит, и вот царь стоит на возвышении, по обычаю, и князья и трубы подле царя; и весь народ земли веселится, и трубят трубами* (4 Цар. 11:10-14).

Таким образом, очевидно, что обязательными элементами поставления царя в библейской традиции были избрание (сверхъестественное или естественное), одобрение народом и миропомазание как священный акт божественного утверждения [**20**, 151]. Причем, согласие народа, по крайней мере формальное, требовалось всегда (2 Царств, 6:1; 1 Пар. 13:1-5). Даже неблагочестивый царь Ахав достигает противозаконного, не избегая этой формулы (2 Царств, 21:1-14).

Интересно отметить, что в библейском понимании *нет власти не от Бога* (Рим. 13:1), то есть поставление всех правителей находилось и находится в ведении Царя Небесного. Причем, поставление не только царей избранного народа, но и языческих государств. Например, Навуходоносор согласно библейским текстам воцарился над Ближним Востоком как помазанник Божий (Иер. 27:6; Дан. 2:37). В Библии есть много фрагментов, свидетельствующих о том, что восхождение любого правителя происходит не без воли Вседержителя. *Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, кому хочет* (Дан. 4:22), *Поставляя царей* на престолы, низлагает царей (Дан. 2:21). *Он лишает перевязей царей, и поясом обязывает чресла их* (Иов, 12:18) и т.д.

Однако в Библии отчетливо выделяются и несколько видов воцарений: по воле Божией и по попущению Божиему в промыслительных целях: наказания и вразумления народа, впавшего в грехи. Как сказано, например, через пророка Осию: *Поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома* (Ос. 8:4).

Причем, строгое наказание ожидает не только узурпаторов престола, но и тех, кто был поставлен по воле Божией, однако правил нечестиво. *Итак, слушайте, цари, и разумейте, научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся пред народами! От Господа дана вам держава, и сила — от Вышнего, Который исследует ваши дела и испытает намерения. Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией. Страшно и скоро Он явится вам, — и строг суд над начальствующими* (Прем. 6:1-5).

Царь и Бог

Несмотря на появление в древнем Израиле монархии, эпоха теократии с этим не завершилась. Владыкой Израиля в подлинном смысле по-прежнему оставался только один Бог, царь же являлся земным руководителем богоизбранного народа – помазанником Божиим. С одной стороны, царь был таким же человеком, как и все остальные представители богоизбранного народа, с другой стороны, у него возникали особые взаимоотношения с Богом и статус помазанника Божия.

На примере второго псалма, который, как полагают многие исследователи, первоначально имел не только мессианский смысл, но и использовался во время интронизации, видно, что Бог усыновляет помазанного царя [**14**, 253]. Или, как Господь говорит Давиду о сыне Соломоне: *Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном* (2 Цар. 7:14). Наиболее явно раскрылся такой тип взаимоотношений в царствовании Давида, пытавшегося всецело следовать идеальной модели царствования.

В Священном Писании можно без труда выявить две обозначенные в тексте модели монархии в условиях теократии: условно говоря нечестивую, языческую и богоудодную, правильную. О первой, которая была во многом сходной с ближневосточными политическими традициями того времени, прямо или косвенно сказано неоднократно. Еще во Второзаконии Господь предостерегает будущего царя от умножения коней, жен, *дабы не развратилось сердце его* (Втор. 17:16-17). Пророк Самуил по повелению Бога также пересказывает народу некоторые признаки типичного царя, предостерегая тех от установления монархии (1 Цар. 8:10-20). Разные черты «языческой» модели раскрываются и в правлении отдельных нечестивых царей Израиля и Иудеи. Суть отрицательной модели, обобщая, можно выразить так: через неисполнение Закона Божьего, уклонения в грехи и страсти, монарх отходил от теократического принципа, превращаясь в самодостаточного автократора и затмевая собой в глазах народа истинного Царя.

Положительную, правильную модель монархии также раскрывает множество фрагментов библейского текста и примеры благочестивых царей. Причем, суть ее обозначается уже в библейском наименовании правителей Древнего Израиля. Дело в том, что семитское слово «Мелех» (לֶךֶמ), употреблявшееся в окружающих Израиль ханаанских царствах и племенных образованиях, отнюдь не единственное, которым обозначается «царь» в Писании. Наряду с ним и, особенно, в ключевых моментах используется слово «Нагид» (גִידָנ), ранее в Ветхом Завете не встречающееся. Ученые, занимаясь его этимологией, пришли к выводу, что таким термином в Древнем Израиле могли обозначать предводителей, вождей и предстоятелей народа [**21**, 87].

Он же употребляется в тексте, повествующем о первом воцарении. *Вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего*, – сказал Самуил Саулу (1 Цар. 10:1). Или как в прямой речи Бога Давиду: *Ты будешь пастухом Моего народа, Израиля, и ты будешь править над Израилем* (2 Цар. 5:2). Встречается этот термин и далее. Например, при короновании Соломона, Давид возглашает: *Он будет царствовать вместо меня; ему завещал я быть вождем Израиля и Иуды* (3 Цар. 1:35). *И в другой раз воцарили Соломона, сына Давидова, и помазали пред Господом в правителя верховного* (1 Пар. 29:22).

Интересно, что «нагид» в Септуагинте переводится с помощью двух слов: «ἄρχοντος» и «ἡγούμενος». Архонтами в древнегреческой, а затем византийской традициях обычно называли правителей лимитрофных областей, зависимых от сюзерена. В славянских языках архонты переводятся как «князья». Игумены в древнегреческом понимании – предводители, ведущие вперед воинство. Поэтому использование этих двух терминов достаточно точно передает статус царя в Древнем Израиле по отношению к Богу.

В этом смысле символичной выглядит просьба евреев поставить над ним царя «как у прочих народов» и реальное утверждения Богом института монарха в Израиле в качестве «правителей верховных», «вождей народа». То есть изначально возникает два противоположных образа царствования, между которыми будут балансировать последующие цари. Одни, как Саул или Соломон

во второй половине жизни, сойдут с праведного пути и приблизятся к модели типичного древневосточного государя, другие как Давид и Иосафат, напротив, максимально осуществят идеальную, правильную модель царствования, в которой царь, оставаясь по внешне «мелехом», будет осознавать себя «нагидом».

Известный французский библеист Ролан де Во называл такую идеальную модель взаимоотношений царя с Богом – вассалитетом, а царя Древнего Израиля – «королем-вассалом», «викарием» [**19**, 33]. Другие западные исследователи нередко именовали политическую систему Израиля конституционной монархией, имея в виду роль и значение ветхозаветного законодательства в ограничении полновластия царей. Однако мы предпочли бы остановиться на термине «теократической монархии» как наиболее точно отражающем суть ветхозаветного политического идеала монархического периода.

Царь и Закон

Ветхозаветный Закон четко регламентировал все основные сферы жизни богоизбранного народа, в том числе его предводителей и впоследствии – царей. Однако на царе, в отличие от рядового жителя, была огромная ответственность, так как его личные грехи могли приводить к распространению греха в народе, и, напротив, его личное благочестие способствовало подъему нравственной жизни общества и преклонению божественной милости к Израилю [**2**, 6,8].

В ветхозаветных текстах правители народа часто призываются строго следовать Закону Божию или обличаются через пророков за различные отступления. Например, Господь так взывал к Иисусу Навину: *Да не отходит сия Книга Закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано: тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно* (Нав. 1:8).

Во многих фрагментах Священного Писания в случае исполнения царем и его подданными Закона Господь обещает подать Израилю процветание и защиту от врагов. И, наоборот, в случае уклонения во грех, несоблюдения повелений Божиих, Бог предупреждает о последующих бедствиях, которые постигнут Израиль и, соответственно, правителя. *И если ты будешь ходить пред лицем*

Моим, как ходил отец твой Давид, – сказал Господь Соломону, – *в чистоте сердца и в правоте, исполняя все, что Я заповедал тебе, и если будешь хранить уставы Мои и законы Мои, то Я поставлю царский престол твой над Израилем вовек, как Я сказал отцу твоему Давиду, говоря: не прекратится у тебя сидящий на престоле Израилевом. Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня и не будете соблюдать заповедей Моих и уставов Моих, которые Я дал вам, и пойдете и станете служить иным богам и поклоняться им, то Я истреблю Израиля с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я освятил имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов*. (3 Цар. 9:4-7).

Иначе говоря, царь в библейском понимании должен, прежде всего, радеть об исполнении божественного Закона, выполняя все необходимое для жизнедеятельности вверенному ему государства и народа, конечный исход всех действий и предприятий полагать на Бога, в руках Которого судьбы людей и народов, что многократно подчеркивается в Библии. Он же попускает или направляет врагов в разных целях: пробудить покаяние, наказать или истребить впавших в беззаконие людей. *Если он согрешит, Я накажу его через других людей. Они будут моим хлыстом* (2 Цар. 8:14), – говорит Господь. Или в другом месте: *О, если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил Моими путями! Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их* (Пс. 80:14-15).

Также помимо исполнения Закона ветхозаветным царям полагалось вести праведный суд над подданными. *Он поставил тебя царем над ним – творить суд и правду* (2 Пар. 9:8). Наибольшую славу благодаря праведному ведению суда приобрел, как известно, царь Соломон.

Царь и священство

В отличие от многих древневосточных политических культур, где царь сочетал в себе одновременно функцию первосвященника, в древнеизральской традиции наблюдалось четкое разделение полномочий. Еще после исхода евреев из Египта была создана Ветхозаветная Церковь и трехсоставное священство, в

которое имели право входить евреи из колена Левиина. Также существовал особый вид служения – пророческий, когда Господь непосредственно избирал пророка для возвещения Своей воли или иных промыслительных целей.

В Библии упоминаются случаи, когда цари пытались исполнить религиозный ритуал вместо первосвященника, однако эти действия воспринимались однозначно негативно. С другой стороны, царь, являясь предводителем народа, ходатаем за него перед Вседержителем, был ответственен за весь народ, включая священнослужителей. Кроме того, во время главных празднеств и религиозных торжеств царь возносил от имени народа молитву, благословлял народ, участвовал в жертвоприношении, не исполняя при этом функции первосвященника [**19**, 38]. Большое влияние имела деятельность царей на развитие культовой традиции и религиозной письменности. Особенно велика заслуга в этом царя и пророка Давида.

В то же время в Древнем Израиле важную роль играли пророки, которые, как отмечал библеист М.Э. Поснов, стоя выше повседневной жизни могли «безошибочно знать о Божественных путях в истории избранного народа, о целях его, способны всегда видеть уклонения народа, чтобы делать соответствующие исправления» [**16**, 68]. Следовательно, древнееврейские пророки являлись не только посредниками между народом, царем и Богом, но и олицетворенной «совестью», выполняя функцию детектора духовно-нравственного состояния общества.

Царь и народ

И, наконец, последний важный пункт библейской концепции царской власти – взаимоотношения царя и народа. Многие аспекты этой темы были уже затронуты выше. Как и в других ближневосточных традициях, царь, согласно библейской модели, был «отцом» народа, предводителем, предстоятелем за него перед Небом. Царь являлся «органом божественного воздействия» на народ, которое могло происходить как положительную, так и в отрицательную стороны [**2**, 6]. От действий царя в значительной степени зависело нравственное состояние подданных и благосостояние государства.

При этом наблюдалось и обратное влияние. Даже при благочестивых царях происходили многочисленные проявления нечестия и беззакония, о которых те сокрушались и молили Господа отвратить свой гнев. В библейском тексте есть примеры, когда Бог по грехам народа или их своенравию попускал свершиться воле людей, и на престол восходили нечестивые правители. Самый яркий пример – возведение на престол Саула – высокого и сильного, что соответствовало представлениям людей о настоящем царе, однако привело Израиль к страданиям и военным поражениям.

К вопросу о правомерности свержения правителя текст Священного Писания относится достаточно однозначно. Одна из ветхозаветных заповедей гласит: *Судей не злословь и начальника в народе твоем не поноси* (Исх. 22:28). То есть любое поношение правителя признавалось преступлением Закона. Столь же греховным признавалось личное покушение на царя как помазанника Божия. Будущий царь Давид, имевший возможность убить Саула и не совершивший это ради страха Божия, явил пример правильного отношения к помазаннику. *Не подниму руки моей на господина моего,* – сказал Давид, – *ибо он помазанник Господа* (1 Цар. 24:11). И если будет воля Божия, он устоит, если нет – будет свергнут и падет от рук нечестивых (Пс. 126:1).

Еще одной важной функцией царя в Древнем Израиле было раскрытие через земную славу, власть, победы Вечного царства грядущего Мессии [**15**]. В первую очередь, конечно, это утверждение относится к царствованию и личности Давида, соединившего в себе царское, пророческое и священническое служение (участием в важнейших религиозных церемониях). Образ Давида стал в иудейской, а затем христианской традициях прообразом Мессии. Как отмечал известный библеист Е.Я. Богородский, «если христианство, имея высочайший идеал нравственного совершенства в лице своего Божественного Основателя, соединяет имя Давида с именем своего Основателя, как имя Его наиболее выдающегося предка и даже прообраза, последователи же Христа возносят свои молитвы к Богу словами Давидовых песнопений, – то не трудно понять, как высока должна была быть личность Давида и сама по себе, чтобы сделаться

достойною того значения, которое она получила в христианском сознании» [**2**, 106-107]. Также для последующих израильских, иудейских и христианских правителей стал примером идеального государя, который, несмотря на ошибки и временные страстные увлечения, стал человеком, максимально приблизившимся к реализации библейской концепции теократической монархии.

В целом, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что политическая традиция Древнего Израиля в христианском понимании сформировалась с одной стороны в контексте политической культуры Древнего Ближнего Востока, а с другой под влиянием промысла Бога над избранным народом или т.н. божественного откровения. Одним из элементов последнего применительно к политической традиции Древнего Израиля можно считать концепцию теократической монархии, раскрывающуюся в разных книгах Библии. Именно эта концепция, в которой царь являлся викарием Бога, предстоятелем и предводителем народа, но не полновластным властителем, органично перешла затем в зарождавшуюся христианскую политическую культуру, став одной из ее ключевых составляющих.

Список литературы

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета в синодальном переводе с комментариями и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2013. 2047 с.
2. Богородский Я.А. Еврейские цари. Казань: Центральная типография, 1906. 382 с.
3. Вейнберг И.П. Древнееврейское государство: идея и реальность // Государство на Древнем Востоке. Сборник статей. М.: «Восточная литература», 2004. С. 300-310.
4. Вейнберг И.П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986. 208 с.

5. Елеонский Ф.Г. Постановления Второзакония о царской власти и пророчестве и время их происхождения // Христианское чтение. 1875. № 9-10. С. 409-429.
6. Иеромонах Варлаам (Горохов). Проблема формирования политического института монархии в Древнем Израиле (по данным современной зарубежной историографии) // Христианское чтение. 2012. № 1. С. 161-172.
7. Иеромонах Платон. Древний Восток при свете Божественного Откровения. К., 1898. 671 с.
8. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 1. М.: «Ладомир», 2002. 784 с.
9. Иосиф Флавий. О древности иудейского народа [Электронный ресурс]. URL:https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/o_drevnosti_evreiskogo_naroda/1_1.
10. К примеру: Асмус В., протоиерей. Царь в Библии. // Православная государственность: 12 писем об империи. Сборник статей под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. СПб: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2003. С. 230-241; Хаула Е.В. Православная концепция царской власти [Электронный ресурс]. URL: http://fondiv.ru/articles/2/272/ (проверено: 01.11.18); Иванова М.В. Идеология царской власти в Древнем Израиле. Автореферат дис. … канд. ист. наук. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, 1997. 24 с.
11. К примеру: Лебедев В., прот. Библейския собственныя имена в их религиозно-историческом значении. Петроград.: Синодальная типография, 1916 г. 307 с.; Иеромонах Платон. Древний Восток при свете Божественного Откровения. К., 1898 г. 671 с.
12. Лоухин А.П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 2. СПб, 1905. С. 333-353.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
14. Нот М. История Древнего Израиля. СПб: Дмитрий Буланин, 2014. 496 с.
15. Поснов М.Э. Взаимодействие двух факторов в истории Израильского народа – божественного и человеческого. К., 1903. 20 с.

16. Поснов М.Э. Идея завета Бога с израильским народом в Ветхом Завете. Богуслав, 1902. 296 с.
17. Покровский Ф.Я. Разделения еврейского царства на царство иудейское и израильское. К., 1885. 368 с.
18. Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 1. / под ред. В.В. Струве и И.Л. Снегирева. Л.: Социально-экономическое издательство, 1935. 337 с.
19. Cundall A. Sacral Kingship. The Old Testament Background // Vox Evangelica. 1969. № 6. P. 31-41.
20. Heaton E.W. The Hebrew kingdoms. Oxford: Oxford university press, 1968. 437 p.
21. Old Testament Theology in outline by Walther Zimmerli. 1978. 331 p.
22. Rawlinson G. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World – Or, The History, Geography, and Antiquites of Chaldaea, Assyria, Babylon, Media, and Persia. London. 1871. 590 p.
23. Tomoo I. The Royal Dynasties in Ancient Israel. New York, 1977. 212 p.

УДК 34.096
ГРНТИ 10.87.68

ТРИ ЗАКОНА РОБОТОТЕХНИКИ АЙЗЕКА АЗИМОВА: К ВОПРОСУ ГУМАННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТОНОСНЫХ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЯ НА ВОЙНЕ

Шибаева Кристина Валерьевна
студент магистратуры первого курса Юридической школы
Дальневосточного Федерального университета,
г. Владивосток
e-mail: shibaeva2015@mail.ru

Холова Лейла Насимжановна
студент магистратуры первого курса Юридической школы
Дальневосточного Федерального университета,
г. Владивосток
e-mail: gmu-gruppa@mail.ru

THREE LAWS OF ISAAK ASIMOV'S ROBOTICS: ON THE QUESTION OF HUMANITIES OF THE APPLICATION OF LETHAL AUTONOMOUS WEAPONS (LAWs) IN WAR

Kristina V. Shibaeva
master 1 st course student of Law School
Far Eastern Federal University
Vladivostok
Leila N. Kholova
master 1 st course student of Law School
Far Eastern Federal University
Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В данной статье поднимается вопрос гуманности в контексте разработки и применения искусственного интеллекта на войне. Отражены позиции «за» и «против» представителей научного сообщества, продемонстрированы возможные исходы событий. Рассмотрена этическая сторона такого явления как применение смертельных автономных систем вооружения.

ABSTRACT

In this article the issue of humanity is raised in the context of the development and application of artificial intelligence in the war. The positions “for” and “against” the representatives of the scientific community are reflected; the possible outcomes of events are demonstrated. Also in this article the ethical aspect of such a phenomenon as the use of lethal autonomous weapons systems is considered

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот на войне, законы робототехники, автономное вооружение, смертельная автономная система вооружения, этика, право, гуманность, сверхразум.

Key words: artificial intelligence, robot in war, laws of robotics, autonomous weapons, lethal autonomous weapons, ethics, law, humanity, supermind.

Время неумолимо движется вперёд и человек, подгоняемый научно-техническим прогрессом, старается не отставать от него, идя в одну ногу со временем. Эпоха, когда в сознании людей крепко сидела идея о том, что машины ни на что не способны и вольны мыслить лишь цифрами, осталась далеко в прошлом. На сегодняшний день мы наблюдаем, что все сферы человеческой жизни компьютеризированы, а наличие разнообразных систем с элементами искусственного интеллекта уже не является чем-то за гранью реального и не вызывает удивления общественности.

Искусственный интеллект постепенно внедряется повсеместно, и в первую очередь в области, отвечающие за благосостояние и процветание государств: политическая, социальная и экономическая сферы, именно поэтому применение, так называемых, роботов в военных интересах - это, к сожалению или к счастью, далеко уже не новинка. В мире военного хайтека сейчас всё сложнее разглядеть

такие вещи как лояльность, преданность, самопожертвование и множество других проявлений человечности, именно поэтому напрашивается вопрос, а место ли вообще людям на полях военных действий?

Ни для кого не является секретом, что военными и разведывательными ведомствами по всему миру уже широко и довольно успешно внедряются боевые роботы - сапёры для нахождения и обезвреживания бомб и мин, беспилотные летательные аппараты, предназначенные как для разведки, так и для ведения боевых действий. Однако надо понимать, что подобные системы являются телеуправляемыми, то есть полностью контролируемыми человеком. Роботы в данном случае выступают лишь орудием, в то время как принятие решений остаётся за человеком, ими управляющим.

Но что же будет, когда появится полностью автономная боевая система, которая будет вольна убивать по своей собственной инициативе?

Что ждёт человечество, когда машины с искусственным интеллектом, способные к самообучению и обмену информацией между собой, будут не столько иметь право убивать, сколько обязаны это делать?

Будет ли это гуманно - прибегать к помощи полностью роботизированной армии?

Вопросов множество, ответов же значительно меньше. Неудивительно, что в сознании большинства людей при разговоре о подобных армиях, ярко всплывает образ Терминатора, а сюжеты банальных голливудских боевиков о войнах людей с цивилизацией роботов внезапно обретают смысл. Это вполне логично и обосновано, а чувствовать страх при подобном развитии событий - нормально. Вопрос доверия человеческой жизни достаточно сложен для однозначного ответа, а вопрос доверия миллионов, миллиардов человеческих жизней в руки машины, которая самостоятельно будет продумывать каждый свой последующий шаг, в разы сложнее.

В момент, когда в мире появится новый, хоть и искусственный, но сверхразумный вид, неважно, что придёт ему в голову: попытка сделать всех людей счастливыми или же идея уничтожения человечества, сопротивляться у

людей просто на просто не будет возможности. В этом случае фатализм не только необходим, но и крайне полезен, ведь принимая всевозможные варианты развития событий, мы значительно снижаем уровень страха.

Создание роботизированной армии - это тот момент, когда люди должны играть на опережение, а не принимать решения post factum. Уже сейчас человечеству необходимо сделать моральный выбор: что считать более правильным, законным и гуманным - ***убийство человека человеком или убийство человека машиной***?

Создание и применение роботов-убийц регулярно обсуждается с 2014 года, когда проблематика смертоносных автономных систем вооружения[1] (далее - САС) прочно закрепилась в качестве новой темы в рамках «Конвенции о «негуманном» оружии» (далее - КНО) и была создана Группа правительственных экспертов открытого состава (далее - ГПЭ) **[1]**. На сегодняшний день проведено уже три сессии ГПЭ по САС (первая сессия - 13-17 ноября 2017 г., вторая сессия - апрель 2018 г., третья сессия – 27 августа 2018 г.). В ходе данных конференций тематика САС неоднократно была рассмотрена с множества позиций: военно-технической, правовой, морально-этической, политической. Однако вопрос применения вооружения с высокой степенью автономности всё ещё остаётся открытым.

Ведутся многочисленные дискуссии среди ведущих представителей учёного мира. Стивен Хокинг, один из самых уважаемых британских учёных, с 2014 года придерживался мнения, что *искусственный интеллект - «это громадная угроза для человечества»* **[10]**.

Против применения роботов-убийц неоднократно выступал и основатель космической компании SpaceX, человек, который имеет доступ к последним из всевозможных разработок в сфере искусственного интеллекта, Илон Маск. «*Искусственный интеллект - фундаментальная угроза существованию человечества*» **[11]**. Он призывает сверхдержавы, ведущие разработку

[1] **Смертоносные автономные системы вооружения (САС)** - оружие, способное поражать цели на земле, в воздухе, на воде и под водой без участия человека.

автономного вооружения, притормозить и удостовериться, что это безопасно. *Людям необходимо озаботиться искусственным интеллектом* - говорит Илон Маск на одной из конференций, посвящённых автономному летальному оружию **[6]**.

В 2017 году группа из 116 специалистов обратилась к Организации Объединённых наций (далее - ООН) с просьбой запретить разработку и использование автономного оружия. «*Решение лишить человека жизни никогда не должно быть делегировано роботу*» говорилось в письме. К числу авторов обращения, помимо Илона Маска, присоединился и основатель компании, занимающейся искусственным интеллектом, DeepMind Мустафа Сулейман. Разработчики обращения, говоря об использовании роботов-убийц, предупреждают о возможности начала третьей революции в области вооружения, сравнимой с такими точками исторического отсчёта, как изобретение пороха и ядерного оружия.

«*Если ящик Пандоры будет открыт, закрыть его будет крайне сложно*» - вот о чём говорят авторы обращения **[8]**.

Опасения в разрезе использования САС далеко не пустой звук. Выступающие против разработки и использования роботов-убийц ссылаются на Международную Конвенцию ООН об обычных вооружениях. Однако ссылки на Женевскую Конвенцию 1949 г. возможны лишь с большим количеством оговорок, поскольку, насколько нам известно, в международном гуманитарном праве, регулирующем методы нападения на людей во время военных действий, отсутствует ряд специальных положений, которые непосредственно касались бы автономных систем вооружения. Поднимая вопросы гуманности использования роботов-убийц, естественным образом необходимо затрагивать принципы ведения «гуманной войны». По этому поводу в Женевской Конвенции закреплено, что любая военная атака обязана соответствовать трём основным критериям:

1) военная необходимость;

2) дифференцирование военных и мирных жителей, которые не принимают участия в конфликте;

3) сохранение пропорции между потенциальными целями войны и ущербом, ею нанесённым **[7]**.

Особое место должно быть отведено и Оговорке Мартенса, запрещающей применение оружия, противоречащее «принципам гуманности, человечности и здравого смысла» **[13]**. Тут и возникает один из многочисленных вопросов, а способна ли система искусственного интеллекта в принципе выносить такие субъективные оценки?

Если роботизированная система выходит из строя по непонятным на то причинам, а принимая во внимание тот факт, что робот-убийца - это в первую очередь машина и машинам свойственно ошибаться, таков закон развития техники и технологий, убивает несметное количество человек, то кого винить? Как и кого наказывать? Сделал ли робот это по собственной воле (mens rea) или же всему виной технический сбой в программе?

Как видите, чем глубже мы уходим в изучение проблемы, которая уже сегодня имеет место быть, тем больше вопросов у нас возникает.

И, к большому сожалению, не на все вопросы находятся исчерпывающиеся ответы ни у представителей учёного мира, ни у представителей сверхдержав, выступающих за разработку автономного вооружения.

Прошлый год был назван годом прорыва в области искусственного интеллекта. В январе 2017 года была проведена Асиломарская конференция по безопасности работы с искусственным интеллектом, организатором которой выступил Институт Будущего Жизни (FLI). В ходе конференции были сформулированы 23 принципа работы с искусственным интеллектом **[3]**. В разрезе разработки и применения автономного вооружения особого внимания заслуживают два принципа из общего количества.

Во-первых, одно из опасений всех представителей учёного мира, о чём неоднократно и упоминает Илон Маск в своих интервью - это гонка вооружений, ибо лидер по созданию искусственного интеллекта в мгновение ока станет

властелином мира. На Асиломарской конференции единогласно было решено, что «*стоит избегать гонки вооружений в области автономного летального оружия*» **[3]**.

Казалось бы, как подойти к подобному опасению с этической точки зрения? Однако всё до банальности просто, на данный момент времени можно наблюдать цивилизационное неравенство между государствами, приводящее к ситуации, когда некоторые страны просто на просто не могут позволить себе создание автономных видов вооружения. Полбеды, когда роботы выходят против роботов, но что произойдёт, когда робот выйдет против живого человека? Думаю, исход ясен.

Вторым же принципом, который должен выступать неким стоп-краном при разработке роботов-убийц - это принцип всеобщего блага, который гласит «*сверхразум должен быть разработан исключительно в целях, соответствующих большинству этических идеалов и для пользы всего человечества, а не одного государства или организации*» **[3]**.

Допустим, сам по себе искусственный интеллект вряд ли обладает каким-либо злым умыслом и задаётся целью уничтожить человечество, но мы не можем сказать того же самого о людях, в руки которым достанутся роботы-убийцы. Поднимается вопрос о демократизации технологий искусственного интеллекта, которые должны быть широкодоступны. «*Нельзя допустить концентрацию искусственного интеллекта в одних руках, слишком высок соблазн захвата контроля, а подобная ситуация будет, как вы уже поняли, исключительно опасной*» - высказывается по данному вопросу Илон Маск **[5]**.

Принимая во внимание выводы, к которым пришли участники последних конференций по безопасности работы с искусственным интеллектом, можно назвать **три основные причины**, почему разработка и использование роботов-убийц - это негуманно (см. рис. 1).

Первая группа, а именно «проблема значимого человеческого контроля» во главу угла ставит риски, связанные с уровнем принятия решений, когда мы полностью исключаем человека из цикла. Мировая общественность (Илон Маск,

Стив Возняк, неправительственные организации «Stop Killer Robots», «Article 36», «International Committee for Robot Arms Control») поднимает вопрос о том, что автономное вооружение с огромной долей вероятности, не будет соответствовать международному гуманитарному праву. Подобные системы, как обговаривалось в рамках конференций, будут нарушать права человека. Использование САС противоречит принципу гуманности и требованиям сознания общественности, поскольку роботам-убийцам, по мнению учёных, несвойственно сочувствие, которое часто является сдерживающим фактором в отношении применения любого оружия.

Рис. 1. - Угрозы создания и применения автономных вооруженных систем с использованием искусственного интеллекта

Ко второй группе причин, связанных с нарушением стратегической стабильности, относятся такие риски как гонка вооружений, мировое господство, распространение опасных технологий среди негосударственных объектов. Автономное вооружение с элементами искусственного интеллекта может выступать инструментом стратегического сдерживания, ровным счётом, как и всем известное ядерное оружие.

И, наконец, третья причина - сокращение времени на принятие важных стратегических решений, также рассматривается представителями научного

сообщества как потенциальная угроза использования автономного вооружения. В рамках данной проблемы необходимо сказать опять-таки об отсутствии контроля над ситуацией со стороны человека, о нехватке времени для осмысления человеком решений, принятых машиной. И самое главное - отсутствие взаимопонимания между роботом и человеком, поскольку вряд ли машина станет объяснять людям логику собственных действий **[2]**.

Новые, неизведанные технологии, готовые в любой момент времени выйти из-под контроля - это всегда страшно и вполне объяснимым является факт испуга людей, они и должны быть напуганы. Однако, по мнению Рэя Курцвейла, испуг перед разрушительной силой новых технологий - лишь одна из фаз их принятия человечеством. «*Технологии всегда будут палкой о двух концах, и в их принятии человечество проходит три фазы. Первая - это желание решить давние проблемы с помощью инноваций, например, истребить болезни и устранить нищету. Вторая фаза - это тревога из-за разрушительного характера технологий. И третья фаза - это ощущение морального долга, обязывающего продолжать разработки вопреки всему*» - высказывается футуролог **[9]**.

Роботы учатся ходить за считанные часы, быстрее, чем любой биологический вид на планете, так почему бы не использовать возможности искусственного интеллекта во благо?

Одним из самых значительных и весомых аргументов, выступающих в защиту использования роботизированной армии и однозначно оправдывающих гуманность подобного действия, выступает сохранение человеческих жизней. Как ни парадоксально это звучит, но доверие человеческой жизни роботам может способствовать её сохранению.

Войны уносят миллионы, а то и миллиарды человеческих жизней, стирают с лица земли целые этнические группы. Они всегда ассоциируются у людей со страхом, смертью и огромнейшими психологическими нагрузками. А если на минуту представить, что всего этого можно было бы избежать? Если бы на поле боя выходили полностью автономные роботы, людям больше не пришлось бы сталкиваться с жестокостью, рисковать собственными жизнями и проливать

кровь за то, что чаще всего случается не по их желанию, а по веянию людей, стоящих у власти.

Несмотря на то, что на сегодняшний день война всё чаще ведётся с использованием телекоммуникационных систем вооружения и люди зачастую - это безликие точки на экранах мониторов, человек как бы там ни было испытывает психологическую нагрузку. Используя автономные системы вооружения подобного можно было бы избежать вовсе.

Профессор Рональд Аркин из Технологического института Джорджии, известный американский конструктор роботов, который работает над проектами Пентагона, утверждает, что роботы-убийцы могут быть запрограммированы так, чтобы безукоризненно следовать законам войны, и следовать они им будут в разы лучше, чем люди. «*Робот* - говорит он - *никогда не будет стрелять, защищая свою жизнь или из-за страха. Он будет иметь доступ к информации и данным, которые ни один солдат-человек не смог бы обработать так быстро, что делает менее вероятной ошибку в «пылу битвы». Он никогда не будет намеренно убивать мирных жителей в отместку за смерть товарища. И он сможет следить за солдатами, чтобы они не совершали злодеяния*» **[4]**.

В действительности человек всегда будет проигрывать машине лишь потому, что слишком подвержен веянию эмоций, чувству страха, которые зачастую мешают сконцентрироваться. К тому же, ни для кого не секрет, что функции головного мозга человека ограничены, человек очень медлительное живое существо, и он не может делать несколько дел одновременно с той быстротой, которая просто необходима в рамках военных действий, когда решения должны быть приняты практически молниеносно и с большой долей вероятности.

Принимая во внимание экономическую составляющую, отметим, что роботизированная армия в разы дешевле армии человеческой: они не нуждаются в обучении, дешевле стоят и не возвращаются домой «грузом-200».

Однако, как уже было неоднократно отмечено, разработка и применение роботов-убийц крепко завязаны на вопросах этического содержания. Может ли

железная конструкция, оснащённая элементами искусственного интеллекта, принимать решения, ставя перед собой вопрос, что есть хорошо, а что плохо? Именно этот вопрос послужил фундаментом такой проблемы как «машинная этика».

Давайте вспомним три замечательных закона робототехники писателя-фантаста Айзека Азимова, которые изначально были задуманы так, чтобы наложить этический оттенок на поведение машины. Первый закон категорически запрещает роботу вредить людям, второй - приказывает роботу подчиняться людям до тех пор, пока это не станет противоречить первому закону, и, наконец, третий закон приказывает роботу защищать свою жизнь, не нарушая первых двух.

Большинство экспертов, придерживающиеся мнения о запрете применения роботов-убийц, говорят о неисполнимости подобных законов в реальном мире, то есть машине не свойственно испытывать моральные переживания из-за возможной ошибки. Опровергая подобное заявление, следует обратиться к экспериментам, проведённым двумя учёными из Португалии и Индонезии. Lu´ıs Moniz Pereira и Ari Saptawijaya. В своей работе «Modelling Morality with Prospective Logic», которая в 2009 году была опубликована в журнале «International Journal of Reasoning-based Intelligent Systems», они описывают методы программирования для компьютеров, дающие возможности машинам совершать поступки, исходя из гипотетических моральных рассуждений, присущих человеку **[12]**.

Учёными был проведён ряд экспериментов, которые, так или иначе, моделировали сложные моральные дилеммы для роботов. «Проблема вагонетки» (the trolley problem), именно такое название получила дилемма, предлагаемая роботам и моделирующая проблемный вопрос, можно ли навредить одному человеку или некоторому количеству людей, чтобы спасти жизнь большинства. Можно ли допустить небольшую погрешность для достижения лучшего эффекта, блага?

Проводя своё исследование, авторы ставили роботов перед нелёгким выбором ровно шесть раз (bystander, footbridge, loop track, man-in-front, drop man, collapse bridge). Проходя каждое испытание и стоя перед выбором спасти пятерых, но убить одного, роботы колебались. Интересным является тот факт, что по мере проведения эксперимента, было выявлено, что машина всегда руководствовалась принципом, так называемого, «двойного эффекта»: **«причинение вреда другому лицу допустимо в том случае, если это будет являться поступком, приводящим к большему благу» [12]**.

Подобный эксперимент позволяет задуматься о том, что машины используют человека, как образ и подобие, а мораль и этика больше не являются лишь людской привилегией.

Объединив всё вышесказанное, хочется ещё раз отметить, что страх людей перед неизведанным обоснован. Однако в их сознании ещё не до конца сложилось понимание того, что же делать с искусственным интеллектом, когда он станет подобен человеческому, а то и превзойдёт его в несколько десятков раз. Пока люди не увидят, как роботы идут по улицам и убивают людей, они, к огромному сожалению, не будут знать, как же на это реагировать. Именно поэтому, если уж человек задумал «игру в Бога», то ему стоит приостановиться и тщательно всё обдумать. Решения, от которых зависит жизнь человечества, не должны быть приняты де-факто, после того как случится множество непоправимых страшных вещей, они должны быть тщательно обдуманны и взвешены. Искусственный интеллект же не должен восприниматься людьми только с позиции силы, способной уничтожать всё на своём пути, на него необходимо смотреть и с позиции верного соратника, способного помочь.

Только лишь принятие человечеством того факта, что оно может либо приобрести что-то совершенно новое, либо потерять всё, что было накоплено веками, подтолкнёт его, на наш взгляд, к великому прорыву.

Список литературы

1. Конвенция о «негуманном» оружии [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MlJdOT56NKIk/content/id/1130752 (дата обращения 09.12.2018);

2. Козюлин В. Три группы угроз смертоносных автономных систем [Электронный ресурс] // аналитическая статья: Российский совет по международным делам, 2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-gruppy-ugroz-smertonosnykh-avtonomnykh-sistem/ (дата обращения 11.12.2018);

3. Леонов В. Двадцать три принципа Асиломара [Электронный ресурс] // Современное машиностроение: научно-технический журнал, 2017. URL: https://www.sovmash.com/node/348 (дата обращения 12.12.2018);

4. Если робот убьет человека, кто будет виновен? [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/company/robohunter/blog/381437/ (дата обращения 08.12.2018);

5. Илон Маск об искусственном интеллекте [Электронный ресурс] // интервью от 15.09.2016 на русском языке. URL: https://www.youtube.com/watch?v=GdGyYI1KP5I&t=1014s (дата обращения 09.12.2018);

6. Илон Маск потребовал от ООН запретить роботов-убийц [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/world/575613 (дата обращения 10.12.2018);

7. Когда робот идет на войну [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/world/20150621/228697791.html (дата обращения 08.12.2018);

8. Роботы-убийцы: скоро во всех армиях или под запретом ООН? [Электронный ресурс]. URL: https://ru.delfi.lt/abroad/global/roboty-ubijcy-skoro-vo-vseh-armiyah-ili-pod-zapretom-oon.d?id=78914141 (дата обращения 11.12.2018);

9. Рэй Курцвейл: «Развитие технологий избавит человечество от страданий» [Электронный ресурс]. URL: https://hightech.fm/2017/11/14/ray_kurzweil (дата обращения 10.12.2018);

10. Хокинг: искусственный интеллект - угроза человечеству [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2014/12/141202_hawking_ai_danger (дата обращения 10.12.2018);

11. Человечество в опасности: Илон Маск призвал регулировать искусственный интеллект [Электронный ресурс]. URL: http://www.forbes.ru/tehnologii/347945-chelovechestvo-v-opasnosti-ilon-mask-prizval-regulirovat-iskusstvennyy-intellekt (дата обращения 09.12.2018);

12. Pereira L. M., Saptawijaya A. Modelling Morality with Prospective Logic [Электронный ресурс] // International Journal of Reasoning-based Intelligent Systems, 2009. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/2ecc/67e7929cf613976d33ff6479589b7b62dfce.pdf (дата обращения 11.12.2018);

13. Sparrow R. Ethics as a source of law: The Martens clause and autonomous weapons [Электронный ресурс] // Autonomous Weapons Mini-series, 2017. URL: http://blogs.icrc.org/law-and-policy/2017/11/14/ethics-source-law-martens-clause-autonomous-weapons/ (дата обращения 11.12.2018).

УДК 34.09
ГРНТИ10.19.01

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Серобян Гагик Ашотович
Магистрант 1 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета
г. Владивосток
serobyan.g@bk.ru

Яковенко Андрей Александрович
Магистрант 1 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета
г. Владивосток
andrey.drus@yandex.ru

ETHICAL-LEGAL PROBLEMS OF USING AN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Gagik A. Serobyan
Master student of Law School,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok

Andrey A. Yakovenko
Master student of Law School,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются одни из самых дискуссионных вопросов на сегодняшний день, а именно: этико-правовые проблемы применения искусственного интеллекта. Проанализированы этико-правовые реалии, проблемы и возможные перспективы их разрешения в будущем.

ABSTRACT

This article discusses some of the most controversial issues today, namely: the ethical-legal problems of using artificial intelligence. Ethical-legal realities, problems and possible prospects for their resolution in the future are analyzed.

Ключевые слова: право; этика; искусственный интеллект; машинное обучение; сверхразум.

Key words: law; ethics; artificial intelligence; machine learning; supermind.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях интенсивного развития систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) возникают правовые проблемы и, как ни странно, не остаются в стороне и этические вопросы использования таких систем. В данном исследовании будут затронуты вопросы, касающиеся этико-правовых проблем использования ИИ.

Сегодня об ИИ говорят везде, где только можно, а самое главное, вопросы, связанные с ИИ, рассматривают не только программисты, которые и являются авторами этого феномена, но также и юристы, которые занимаются разработкой правил «игры» в данном направлении.

Наше исследование разделено на две части. В *первой* части мы рассмотрим отдельные этические проблемы использования ИИ. Некоторые авторы отмечают, что, этическая сторона вопроса применения систем ИИ вовсе не является следствием развития технологий последних десятилетий **[1]**. Эти вопросы поднимались во многих классических работах в области машинного интеллекта еще задолго до того, когда это начало пользоваться такой сумасшедшей популярностью.

Алан Тьюринг, известный тем, что предложил эмпирический тест, в одной из своих работ говорил на тему последствий создания так называемых «думающих машин». В частности, он высказывает мнение о том, что якобы «машины не могут делать ошибок» и отмечает, что в сложных машинах ошибки могут быть детерминированы неадекватностью исходных данных, хотя при этом машины максимально точно выполняют все математические операции по их обработке. Подобные доводы активно обсуждаются сегодня, а именно – проблемы достоверности исходных данных **[1]**.

Подобные данные наводят нас на такую мысль, что когда «сверхразумная машина» получает неэтичные или же противоправные исходные данные, то в последствии появляются определенные риски, связанные с тем, что ИИ может совершить общественно опасные действия или же бездействия, угрожающие безопасности общества и государства.

Норберт Винер, являющийся основоположником кибернетики, в своих работах высказывал такую мысль: «Машины могут быть опасны для человека и не предсказуемы» **[1]**.

С таким тезисом трудно не согласиться, особенно учитывая тот факт, что сегодня большой популярностью пользуется нейронные сети, которые способны самообучаться. Раньше мы бы не поверили, что какой-то компьютер способен без вмешательства человека делать что-то кроме заданных ему заранее параметров. Сегодня это уже реальность, и та самая непредсказуемость здесь и появляется, ведь даже сам разработчик не способен узнать, что происходит в «голове» машины. Появляются некие сомнения и с точки зрения этики.

Возможно, эта самая машина, которая способна к самообучению будет использовать неэтичные и аморальные данные при обучении. Не факт, что она не будет это реализовать в повседневной жизни человека, и делать не принятые в том или ином обществе вещи, которые допускаются, скажем так, в иных сообществах людей.

Этические аспекты внедрения и использования систем ИИ носят чрезвычайно важный характер, и вот почему. Отмечается, что «IEEE (Institute of

Electrical and Electronics Engineers) – Институт инженеров электротехники и электроники, с учетом активного внедрения систем ИИ в различные сферы в IEEE запустили глобальную инициативу для исследований в области этики ИИ. Результатом таких исследований должны стать технические нормативные документы, регламентирующие разработку и внедрение систем ИИ с требованиями к их этическому поведению» **[1]**.

Этические вопросы ИИ затрагивает в своей статье – А. Маланов, эксперт развития антивирусных технологий «Лаборатории Касперского». В своей работе автор рассматривает сильный и слабый ИИ. Отмечается, что это абсолютно разные «вещи». Что же понимать под сильным и слабым ИИ?

Сильный ИИ (true, general, настоящий) – это гипотетическая машина, которая способна мыслить и осознавать себя, решать не только узкоспециализированные задачи, но еще и учиться чему-то новому. На первый взгляд кажется, что это что-то из разряда фантастики, но если посмотреть на вещи реально, то уже сейчас есть некие намеки на это, развитие технологий движутся с такой скоростью, что появления так называемого «Сильного ИИ» уже не остается за гранью реальности. Автор приводит в своей работе прогнозы, которые приводили североамериканские и азиатские ученные, выглядят они следующим образом: североамериканские ученые считают, что ИИ превзойдет человека через 74 года, а азиатские полагают, что всего-то уже через 30 лет **[4]**.

Неутешительные данные, но все же нам остается лишь ждать и следить за развитием событий. Стоит отметить, что все мировые новостные источники очень бурно реагируют на подобные новости.

Продолжая наше исследование, перейдем к так называемому «слабому ИИ». А. Маланов приводит следующее определение последнего: слабый ИИ (narrow, поверхностный) – это уже существующие программы для решения вполне определенных задач, таких как распознавание изображений, автовождение, игра в «Го» и т.п. **[4].**

Чтобы никого не запутать и не вводить в некую неопределенность, отмечается, что Слабый ИИ носит название «машинное обучение» (machine learning), которое находится на слуху у большинства людей.

Касаемо нашего вопроса, а именно – этическая сторона вопроса, в своей работе автор затрагивает Сильный ИИ, который в свою очередь порождает массу этических вопросов. Сильного ИИ стоит еще ждать не скоро, но тем не менее выделяется масса этических проблем.

Выделяется *первый класс* проблем – мы можем обидеть ИИ. Например:

1) Этично ли мучить ИИ, если он способен чувствовать боль?
2) Нормально ли оставить ИИ без общения на долго, если он способен чувствовать?
3) А можно ли использовать его как домашнее животное? Как раба? А кто это будет контролировать и как? ведь это программа, которая «работает-живет» в вашем «смартфоне».

Ведь сейчас никто не отреагирует на ваше не очень этичное обращение с вашим голосовым помощником, но если вы будете плохо обращаться с собакой, то вы будете привлечены к юридической ответственности. И связано все это не с тем, что она из плоти, а все потому она способна чувствовать. Так вот, не нужно отправлять в «долгий ящик» и тот факт, что это и будет с Сильным ИИ **[4]**.

Второй класс выделяемых автором этических проблем – это ИИ может обидеть нас. Можно обнаружить множество таких примеров в книгах и фильмах.

А. Маланов приводит в пример следующее: «Как нам объяснить ИИ, чего же мы от него хотим? Люди для ИИ – как муравьи для рабочих, строящих плотину: ради великой цели можно и раздавить парочку» **[4]**.

Автор обращает наше внимание на то, что научная фантастика с нами играет «злую шутку». Человечество привыкло к тому, что Терминаторов пока нет, и будут они нескоро. Данный тезис нам показывает хороший пример того, что технологии, которые показываются в фильмах и описываются в книгах далеко не что-то сверхъестественное, а они уже существуют в нашей жизни, стоит только присмотреться.

Ранее нами отмечалось, что нормативная регламентация внедрения и использования систем ИИ несет с собой очень важную составляющую, которая должна привнести некую определенность специалистам, занимающимся разработкой и, что еще более важно – использованием систем ИИ. Делая некий вывод, стоит сказать, что этическая сторона вопроса стоит здесь на ряду и с иными фундаментальными аспектами использования ИИ.

Перейдем ко *второй* части нашего исследования, а именно – рассмотрению правовых проблем использования систем ИИ. Авторы, выделяя цели правового регулирования технологий ИИ отмечают один из важнейших: ограничение рисков для здоровья или безопасности населения, окружающей среды, а также борьба с этически проблемными действиями, такими, как генные манипуляции **[3]**.

П.М. Мохат, рассматривая в своей работе проблемы правового регулирования искусственного интеллекта акцентирует внимание на следующем: «подходы к правовому регулированию использования и разработки технологий искусственного интеллекта, по сути, обладают в немалой степени той же спецификой, что и подходы к правовому регулированию технологических инноваций в целом, которая, однако, несколько осложнена» **[3]**. Он приводит также мнение Мишель Гихо, Энн Мэтью и Николя Сузор, которые отмечали, что даже в областях применения наиболее «простых» технологических инноваций правовое регулирование является весьма затруднительным **[3]**. Мы можем наблюдать, что в обоих случаях отмечается сложность правового регулирования систем ИИ. На наш взгляд правовое регулирование усложняется еще и тем фактором, что методы и способы разработок и применения систем ИИ постоянно совершенствуются и принятые нормативные акты могут затруднять и создавать некие барьеры в развитии систем ИИ.

Немаловажным тезисом, который приведен в вышеупомянутой работе является: «на плечи законодателя ложится решение проблемы обеспечения баланса, с одной стороны, между интересами общества, которые заключаются в использовании как можно большего потенциала новых технологий, которые

могут обеспечить решение различных проблем как отдельных индивидов, так и целого общества, а с другой стороны – необходимостью минимизации негативных последствий использования инновационных технологий» **[3]**.

Более того, Николас Петит предложил несколько основных подходов правового регулирования разработки и применения технологий ИИ **[3]**.

Первый подход – *формальный*, который подразумевает рассматривать «тот факт, подпадают ли под действие существующего законодательства ИИ и робототехника».

Второй подход – это *технологический,* суть которого сводится к тому, что предварительно необходимо определить наличие создаваемых использованием интеллекта новых проблем и последующем измерении правовой необходимости в специальной регламентации таких новых проблем **[3]**.

Николас Петит выделяет технологический подход как наиболее эффективный **[3]**. На наш взгляд, действительно, стоит отдать преимущественное положение технологическому подходу в рассмотрении как наиболее практико-ориентированного регулирования использования ИИ.

Более того, сложность при формировании нормативной базы заключатся в том, что законодатель будет ограничен в своей осведомленности о системах ИИ. Развитие систем ИИ сейчас очень быстротечно и очень сложно предугадать, какого уровня развитие достигнет в ближайшем будущем. Предполагается, что правовое регулирование использования систем ИИ может быть эффективным и наиболее продуманным, при соблюдении следующих правил **[2]**:

1) Обеспечение сертификации систем ИИ и запрет на производство и применение несертифицированных систем. Такой подход прежде всего может послужить стимулом для потенциальных разработчиков делать шаги и вкладывать определенные ресурсы в сторону обеспечения безопасности систем ИИ;
2) Применение механизмов солидарной ответственности за использование несертифицированных систем искусственного интеллекта;

3) Государственное финансирование исследований в области безопасности систем искусственного интеллекта с одновременным установлением санкций в отношении разработчиков, игнорирующих результаты таких исследований;
4) Установление необходимости утверждения систем искусственного интеллекта соответствующим профильным органом публичной власти, процесс которого будет включать в себя несколько этапов тщательного тестирования на предмет безопасности, по аналогии с обеспечением, к примеру, безопасности лекарственных средств.

Подводя промежуточные итоги нашего исследования, отметим, что взгляды на современные технологии очень неоднозначны. Правовое регулирование в данной сфере только на стадии формирования и сложно сказать, с какими трудностями может столкнуться законодатель. Мир разработок стабильно меняется. Одни «тренды» появляются, другие – теряют актуальность, третьи – трансформируются.

Тем не менее, этико-правовые проблемы использования такого феномена как искусственный интеллект уже существуют сейчас и над ними необходимо очень серьёзно поработать, дабы исключить наступления каких бы то ни было последствий от допущенных ошибок.

Список литературы

1. Карпов В.Э., Готовцев В.М., Ройзензон Г.В. К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // Философия и общество. 2018. №2 (87). С. 84-105.

2. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. №1. С. 91-109.

3. Мохат П.М. К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // Закон и право. 2018. №6. С. 63-67.

4. Этические вопросы искусственного интеллекта // Режим доступа: https://habr.com/company/kaspersky/blog/421791/ (дата обращения: 29.11.2018).

УДК 343.614
ГРНТИ 10.77.51

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Мамчуева Асият Ансаровна
Магистр 3 курса кафедры
уголовного, экологического права
и криминологии
юридического факультета
Саратовского национального-исследовательского
государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского
Саратов
mamchueva.94@mail.ru

INCITEMENT TO SUICIDE: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIGNS

Asiyat A. Mamchuyeva
Master of 3 years of the department
criminal and ecological law and criminology of the
Faculty of Law
of the Saratov National Research State University
named after N. G. Chernyshevsky
Saratov

АННОТАЦИЯ

В представленной статье анализируются признаки доведения до самоубийства. Автор даёт определение таким основополагающим понятиям как объект и субъект преступления, анализирует объективную и субъективную составляющую преступления доведения до самоубийства. Делаются выводы, что существуют разногласия среди специалистов относительно затронутой темы, а также в самом законодательстве РФ.

ABSTRACT

The article discusses the signs of suicide.The author gives a supplement such fundamental concepts as object and subject of crime ,he analyses of objective and subjective dimension of the crime of suicide. The conclusions drawn are that there is disagreement among experts regarding the topics covered ,as well as in the legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: Уголовный кодекс; объект; субъект; объективная сторона преступления; субъективная сторона преступления.

Key words: Penal code; object; subject; objective sign of the crime; subjective sign of the crime.

В российском уголовном праве объектом преступления считают систему и комплекс межличностных отношений в обществе, которые охраняются уголовным законодательством и которым причиняется ущерб в результате совершения преступления. Говоря иначе, объект преступления – это то на что нацелено преступление или то, чему оно может причинить моральный или физический вред. То есть не всякое посягательство на объект можно признать преступлением и применить к нему меры Уголовного кодекса (если данный вид посягательства не указан в Особенной части Уголовного кодекса РФ, либо не вытекает из текста самой статьи) **[9, 310].**

Статья 110 УК РФ, регулирующая преступления доведения до самоубийства, включена в Раздел VII Уголовного кодекса «Преступления против личности». Это значит, что родовым объектом для преступления доведения до самоубийства являются общественные отношения, которые обеспечивают неприкосновенность личности. Причём в данной интерпретации личность – это не только человек как homo sapiens – биологический индивид, а социальное существо, которое является участником общественных отношений и носит в себе определенный набор социальных ценностей, благ, прав и обязанностей **[7, 382].**

Анализируя далее объект преступления доведения до самоубийства скажем, что данный вид преступления находится в Главе 16 УК РФ ««Преступления против жизни и здоровья». Значит, видовой объект

преступления доведения до самоубийства – общественные отношения, которые защищают и обеспечивают безопасность жизни и здоровья человека независимо от его возраста, веры, расы и интеллектуальных качеств.

Согласно основному подходу классификации объектов, непосредственным объектом преступления доведения до самоубийства является жизнь отдельного человека (индивида). Причём ряд учёных утверждает, что доведение до самоубийства является двуобъектным, так как при толковании ст. 110 УК РФ становится очевидным, что при совершении преступления доведения до самоубийства покушаются на два непосредственных объекта – жизнь и достоинство человека **[2, 129].**

Далее представляется важным рассмотреть объективную сторону преступления как обязательный элемент преступления. Наиболее подробное определение объективной стороне преступления дал В. Н. Кудрявцев, который пишет, что объективная сторона – это процесс, при котором осуществляется общественно опасное посягательство на интересы людей, охраняемые законодательством с момента начала преступного действия (бездействия) субъекта вплоть до совершения преступного результата **[4, 92].**

В законодательстве РФ можно встретить несколько иную формулировку. В Уголовном кодексе в ст. 110 объективная сторона представляется как применение угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего **[1].**

По мнению Ю. И. Уколовой, законодатель объединяет способы доведения до самоубийства в три большие группы, каждая из которых болезненно воздействует на конкретную область человеческих чувств: угрозы наносят травму нервной системе человека (например, страх за свою жизнь и пр.); унижение доставляет психическую боль (переживание за умаленное чувство достоинства, нравственные страдания); жестокое обращение – физическую боль (конкретные телесные повреждения) **[8, 94].**

В юридической литературе понятие «угроза» толкуется как «различные виды психического насилия», т.е. угроза убийством, причинения вреда

имуществу или здоровью и т.д. В целом можно сказать, что угроза – это общественно опасное деяние, где целью виновного является причинить психическую или физиологическую травму потерпевшему. В данном случае стоит обратить внимание, что законодатель говорит об угрозах в множественном числе, т.е. для классификации преступления доведения до самоубийства необходимо совершать систематические и неоднократные угрозы. Как ни странно, в ст. 110 УК РФ не конкретизируется, что именно понимается под угрозой и какие виды угроз должны присутствовать **[5, 38].**

По формам выражения угрозы могут быть как письменного, так и устного характера, а по своим характеристикам угрозы могут быть реальными (действительными), а также выдуманными (то есть виновный не имеет реальных оснований и методов реализации угроз в жизнь пострадавшего). Затруднение для правоприменителей представляет ситуация, когда необходимо поставить разграничения между использованием угроз с целью доведения до самоубийства и угрозу как самостоятельный состав преступления. Но, исходя из судебной практики, можно сказать, что суд иногда квалифицирует данные составы по совокупности **[8, 31].**

Ещё одна не менее важная составляющая ст. 110 УК РФ – это жестокое обращение как способ доведения до самоубийства, которое рамках законодательства может быть выражено как в действии, так и бездействии, и сводится к применению насилия физического и психологического характера. Стоит также обратить внимание на то, что в диспозиции ст. 110 УК РФ законодатель не указывает на систематичность жестокого обращения. Поэтому даже однократное, но изощренное и продолжительное проявление жестокости к потерпевшему может создать для него острую психотравмирующую ситуацию и подтолкнуть к самоубийству.

Еще одним способом доведения до самоубийства является систематическое унижение человеческого достоинства. В этом случае виновный издевается над потерпевшим, унижает личное достоинство, необоснованно придирается и высмеивает недостатки и т.д. Причём, по мнению ряда юристов,

такие случаи должны нести систематический характер, а не единый **[9, 309].** Хотя и в данном утверждении мнения расходятся. Например, юрист Н. А. Сафонова считает, что достаточно однократного унижения (параллельно с сильным психологическим давлением), чтобы довести человека до самоубийства **[6, 92].**

В юридической науке по-разному истолковывают такое явление как унижение человеческого достоинства. Известный учёный и юрист Ю. Е. Пудовочкин пишет, что унижение человеческого достоинства – это совершение более трёх раз определённых аморальных действий, связанные едином умыслом и отражающие единую линию поведения виновного. Под аморальными действиями в его понятии подразумевается нанесение оскорблений, клевета, травля, критика, распространение ложной и компрометирующей информации, которые умоляют достоинство потерпевшего **[13, 215].**

Субъект преступления – это неотъемлемый элемент состава преступления. В статье 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности» указано, что субъектом преступления может быть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности **[1].** Значит, относительно ст. 110 УК РФ можно сказать, что субъектом преступления доведения до самоубийства является физическое лицо, находящееся во вменяемом состоянии и достигшее 16 лет.

В целом, проблема определения субъективной стороны преступления является одной из самых спорных вопросов в теории уголовного права. Поэтому на практике возникают определённые сложности и спорные моменты среди ведущих экспертов. Если обратиться к юридической литературе, можно встретить множество определений понятия субъективная сторона преступления. Одно из наиболее распространённых определений интерпретирует данное понятие следующим образом: «субъективная сторона преступления – это непосредственно связанная с совершением преступления психическая деятельность лица, которая включает в себя такие элементы как вина, мотив, цель и эмоции» **[12, 523].**

Здесь в первую очередь важно выделить вину как основополагающий элемент субъективной стороны. В юридическом словаре вина понимается как отрицательное отношение (в форме умышленного или неосторожного преступления) определённого лица к ценностям, которые указаны в ч.1 ст. 2 УК РФ, в результате чего наносится ущерб этим ценностям **[8, 38].**

При квалификации преступления доведения до самоубийства вопрос о форме вины решен неоднозначно. Многие специалисты предполагают, что в данном случае преступление совершается с косвенным умыслом, то есть лицо, не желая совершения преступления, понимает и осознаёт общественную опасность своего действия (или бездействия) и изначально допускает негативное последствие. Если присутствует прямой умысел в совершении действий, то это уже убийство **[10, 119].**

Вторая группа специалистов склонна к тому, что доведение до самоубийства может быть совершено как с косвенным, так и с прямым умыслом. Например, учёный А. В. Бриллиантов считает, что в случае доведения до самоубийства виновный осознаёт тот факт, что его действия могут повлечь самоубийство, предвидит возможность негативных последствий и преднамеренно желает этого (прямой умысел) или же виновный относится к происходящему безразлично (косвенный умысел) **[11, 217].**

Третья группа учёных считают, что доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой вины, в том числе иметь характер неосторожности. Относительно данного мнения приводятся следующие аргументы. Во-первых, в ст. 110 УК РФ законодатель прямо не указал форму вины, поэтому здесь необходимо руководствоваться ч.2 ст. 24 УК РФ, из которого следует, что в преступлениях, где законодатель не конкретизирует форму вины, допустима как умышленная, так и неосторожная форма вины. Во-вторых, если совсем исключить совершение данного преступления по неосторожности, то проблема самоубийства в Росии станет еще острее, так как состав доведения до самоубийства лишится своего социального содержания **[17, 15].**

Что касается факультативных признаков субъективной стороны преступления, а именно мотива, цели и эмоций, то в различных ситуациях они могут отличаться. Если обобщить все ситуации, то можно сказать, что главной целью является доведение до самоубийства через создания тяжелых условий, при которых у жертвы не останется иного пути, как лишить себя жизни. Мотивы могут быть абсолютно различными: личная неприязнь, месть, корысть, ревность, устранение конкурентов и т. д. **[3, 22].**

Таким образом, преступление доведения до самоубийства является противоречивым и сложным явлением, что представляет собой общественную опасность.

Непосредственным объектом преступления доведения до самоубийства является жизнь другого человека. Объективная сторона выражается в форме действий, которые направлены на доведение до самоубийства лица путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, таким образом, законодателем дается закрытый перечень способов доведения потерпевшего до самоубийства, что усложняет деятельность правоохранительных органов.

Вопрос о субъективной стороне преступления доведения до самоубийства является достаточно дискуссионным. Одни учёные предполагают, что субъективная сторона ст. 110 УК РФ может характеризоваться любой формой вины, в том числе иметь характер неосторожности, другие утверждают только наличие косвенного умысла, третьи придерживаются мнения, что доведение до самоубийства возможно при наличии прямого и косвенного умысла.

Следовательно, правильное толкование законодательства в области доведения до самоубийства занимает важное место в теории уголовного права. При нарастающей проблеме самоубийства в нашей стране жизненно необходимо разработать определённые теоретические подходы, правильно истолковать суть уголовного законодательства и грамотно применить это на практике. Серьезный подход к данному вопросу поможет не только своевременно наказать виновных, но и решить одну из самых острых национальных проблем.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.02.2018).
2. Аюпов В. Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 363. С. 123-168.
3. Аюпов В. Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. 2014. №2(4). С. 13-28.
4. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 2003. 298 с.
5. Лысак Н., Лопаткин Д. Ответственность за доведение до самоубийства // Законность. 2015. № 3. С.32-67.
6. Сафонова Н. А. Доведение до самоубийства: социальный и уголовно-правовой аспекты. Екатеринбург, 2016. 317 с.
7. Тарасова Э. Х. Доведение до самоубийства: социологический и уголовно-правовые аспекты // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 377-392.
8. Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния. М., 2017. 219 с.
9. Федотов А. В. О некоторых проблемах толкования и применения статьи 110 УК РФ // Уголовное право и современность. 2016. Вып.3. С. 302-319.
10. Чукаева Н. Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство // Актуальные проблемы развития современного общества. 2016. № 10. С. 114-127.
11. Бриллиантов А. В. Уголовное право Российской Федерации в схемах. М., 2018. 528 с.

12. Ермаков В. Д., Крылова М. А. Большой юридический словарь. М., 2017. 708 с.

13. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении и о составе преступления. М., 2017. 417 с.

УДК 4411
ГРНТИ 10.23.01

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

Козак Леонид Леонидович
Бакалавр 4 курса юридического факультета
Дальневосточного Федерального университета
г. Владивосток
Kozak.ll@mail.ru

Научный руководитель:
Корчагин Анатолий Георгиевич
канд. юрид. наук, профессор кафедры конкуретного
и предпринимательского права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета
г. Владивосток

SOME PROBLEMS OF CORPORATIVE CONRACT

Leonid L. Kozak
The 4-year student bachelor of the law faculty
Far Eastern Federal University
Vladivostok

Scientific hands:
Anatoly G. Korchagin
Dr. of Law, Professor of Chair of Competition & Business Law,
Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждаются вопросы о предмете и сущности института корпоративного договора, сквозь призму свободы договора. Также автор, анализируя судебную практику, выявляет проблемы корпоративного договора и пути их решения.

ABSTRACT

The article discusses questions about the subject and essence of the institution of a corporate contract, through the prism of freedom contract. Also the author, analyzing the judicial practice, identifies the problems of the corporate contract and the ways to solve them.

Ключевые слова: Корпоративный договор, принцип свободы договора, проблемы корпоративного договора.

Key words: Corporative contract, principle of freedom contract, problems of corporative contract.

Первые зачатки образования корпоративного договора относят к 2000-2001 гг. Именно с этого момента появляется первая судебная практика, а следом за ней ряд научных публикаций. Учитывая интерес научного сообщества, который, в тот момент, обсуждал некоторые моменты функционирования и приспособления данного договора, а также его дальнейшее закрепление, корпоративные договоры продолжали оставаться невостребованными.

Актуальность исследования корпоративного договора заключается в том, что его преобразование на протяжении последних лет являлось важным аспектом реформирования корпоративных отношений, и необходимо установить в этом ключе специфику, предмет, содержание, а также проблематику, которая возникает или может возникнуть при реализации корпоративного договора. При этом уделяя внимание положениям о свободе договора, а также вопросам императивных норм – ограничений корпоративного договора.

Под корпоративным договором понимается соглашение всех или некоторых участников (акционеров) об осуществлении своих корпоративных прав, в соответствии с которым данные субъекты обязуются осуществлять корпоративные права определенным образом или воздерживаться от их

совершения, включая возможность голосования определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств

Так по мнению Мажурина П.В., корпоративный договор обладает следующими характеристиками в российском праве в силу отсутствия у него единого предмета: консенсуальным, каузальным, двусторонним (или может являться многосторонним) договором, который может быть возмездным или безвозмездным, содержать имущественные и/или организационные обязательства и иметь фидуциарный характер **[5]**.

Оценивать правовую природу корпоративного договора необходимо комплексно, то есть через разновидность гражданско-правовой сделки, но в то же время, обладающей особой спецификой регулирования корпоративных отношений. Мы приходим к выводу, что природа корпоративного договора не однозначная.

Нормы корпоративного договора основаны на двух принципах: участия и управления в корпорации по согласию между его членами (участниками) **[7]**. То есть фактически, субъект не только должен быть участником корпорации, иметь долю в уставном капитале (акции), совершать действия, направленные на осуществление цели, указанной в уставе данной корпорации, но и согласовывать данные действия между другими участниками.

Принцип свободы договора является основным проявлением диспозитивного метода правового регулирования, который выражается в возможности заключить договор добровольно **[10, с. 13]**. Основы свободы договора определяются в ГК РФ ст.421 п.1, где закрепляется, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

Как отмечается в юридической литературе, принцип свободы договора имеет три формы выражения в рамках. Во-первых, признание граждан и

юридических лиц свободными в заключении договора. Во-вторых, предоставление сторонам возможности заключить любой договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Наконец, третье проявление выражается в свободе сторон определять условия заключаемого ими договора, в том числе и построенного по указанной в законодательстве модели **[1, с. 87]**.

В англо-американском праве свобода договора является ключевым принципом английского договорного права, основным началом рыночной экономики. Данный принцип выражается в возможности субъектов совместно управлять делами без особого влияния извне, создавая свое собственное право, конечно, не без ограничений, установленных законом.

Существуют ли ограничения свободы договора? Насколько максимально стороны могут предусмотреть условия корпоративного договора?

Выделяются следующие формы проявления свободы договора в англо-американском праве: 1) свобода заключения договора; 2) свобода от договора, выражающаяся в свободе от заключения договора на этапе преддоговорных переговоров; 3) право свободного выбора контрагента; 4) право свободного выбора объекта (предмета) и цели договора; 5) право выбора формы договора и способа его заключения; 6) право выбора способа обеспечения договора; 7) право выбора условий договора; 8) право выбора вида договора и заключения смешанного договора и иные формы свободы договора **[6]**.

При сравнении форм проявлений свободы договора в разных правовых семьях необходимо подчеркнуть, что корпоративный договор в рамках англо-саксонской правовой семьи обладает большей вариативностью (в предоставлении прав). Это связанно прежде всего с тем, что институт корпоративного права имеет длительное время функционирования, где выработался общий подход как судебного сообщества, так и научного.

Далее необходимо определится с императивными нормами, а также какие существуют ограничения принципа свободы договора в корпоративном соглашении?

Сначала необходимо определиться с самими императивными нормами. Постановления Пленума ВАС РФ, императивными нормами следует считать только те, которые определены как запреты или позитивно обязывающие предписания, либо нормы, из буквального содержания которых следует недействительность любого противоречащего условия, содержащегося в соглашении, направленном на обход императивной нормы **[8]**. При этом особенность данного Постановления заключается в пункте 1. В данном положении норма, определяющие права и обязанности сторон, толкуется судом исходя из ее сущности и целей законодательного регулирования. Мы рассматриваем норму также со стороны основной цели регулирования, которую задал нам сам законодатель.

Из полученной выше информации, попытаемся определить характер норм статьи 67.2 ГК РФ. Законодатель закрепил возможный спектр отношений, которым регулируется содержание корпоративного договора, так он может содержать: (ГК ст. 67.2): 1)наложение обязанности осуществлять корпоративные права определенным образом; 2) отказ (воздержание) от осуществления корпоративных прав (в том числе) голосовать определенным образом на общем собрании участников; 3)согласование осуществлять действия по управлению обществом; 4)приобретение или отчуждение доли (акции) в уставном капитале по определенной цене; 5)воздержание от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств. 6) согласовано осуществлять иные действия по управлению обществом. Можно предположить, что законодатель не закрыл окончательно перечень, в рамках которого возможно предусмотреть иные действия по управлению обществом, но не всё так однозначно. Так, например, А.В. Качалова считает, что перечень ст.67.2 являются императивными и стороны корпоративного договора не вправе выходить за рамки предмета корпоративного договора определяемой данной статьей. Стороны не могут изменять вопросы внешнего управления. Автор относит к ним, вопросы о структуре органов управления в корпорации, ее уставном капитале, изменение его размера, порядке проведения общих собраний акционеров, участников,

порядке одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью, ответственности органов управления **[2, с. 19]**.

С другой стороны, как утверждает И.С. Шиткина, с учетом последних изменений корпоративный договор предполагает еще более дискрецию в регулировании отношений между участниками. Автор утверждает, что в непубличных обществах корпоративный договор может менять объем прав участников (абз. 2 п.1. ст.66 ГК РФ). Это возможно только в том случае, если корпоративный договор заключен между всеми участниками и корпоративный договор может "заменить" собой устав, поскольку стороны лишены возможности ссылаться на недействительность договора при его противоречии уставу **[4]**.

Насколько далеко стороны могут зайти при установлении предмета корпоративного договора и какие здесь возникают проблемы в практике? Также в рамках реализации корпоративных соглашений дополнительно возникает ряд вопросов: может ли предусматриваться корпоративным договором обязанность акционера (участника) отказаться от совершения корпоративных действий (осуществление корпоративных прав) в сфере получения прибыли?

Обратимся к судебной практике, а именно к Постановлению Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31 марта 2017 г. N Ф03-691/17 по делу N А51-10201/2016 **[9]**. В рамках данного дела - два участника: М.В. Солеваров с 70% долей участия и Петров А.Ю. с оставшейся 30% долей. Между ними был подписан корпоративный договор. В рамках данного договора были перераспределены обязанности в сфере управления персоналам, а также получение прибыли. А именно, Петров А.Ю. лишался вышеперечисленных прав. При этом, в соглашении было указано, что Петров А.Ю. за подобные лишения в управлении Обществом будет получать постоянное денежное вознаграждение в определенный день расчета, установленным в приложении корпоративного договора. Был также составлен график дней, в рамках которых должны были осуществляться переводы денежных средств. Первый предусмотренный графиком платеж был доставлен, но последующие платежи не исполнялись.

Петров А.Ю. обратился в суд с иском о взыскании денежных средств в размере 1 165 000 рублей.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении, ссылаясь на то, что соглашение является незаключенным, не удается определить предмет корпоративного договора. А именно: каким образом участники договора предусмотрели осуществление корпоративных прав и обязанностей, из текста договора не устанавливается обязанность по поводу оплаты компенсации участнику А.Ю. Петрову.

Апелляционная инстанция, в свою очередь, указала, что данное соглашения считается расторгнутым (исходя из самого соглашения, невыплаты в срок графика расторгали договор). Из этого фактические ограничения управления обществом, установленные корпоративным договором, прекратились.

Данные судебные решения продемонстрировали одну из возможностей ограничений субъектов корпоративных отношений, путем установления не безвозмездного ограничения для субъекта, выражающийся правовыми рамками при реализации своих прав (в данном случае управление персоналом и получение прибыли). Тем не менее, субъект лишался не всей выгоды, а приобретал для себя некое твердое денежное вознаграждение, в качестве компенсации за ограничение. Но фактический субъект утратил доступ в извлечении прибыли в том первоначальном смысле (в соответствии с распределением прибыли пропорционально долям участиям в Обществе), что в, свою очередь, является недопустимым, так как меняет цель и функционирование юридических лиц в том первоначальном смысле. В этом аспекте судебная практика создает такие решения, которые противоречат основам законодательства о юридических лицах.

Также необходимо отметить тот факт, что определенные условия корпоративного договора фактически могут быть продиктованы акционерами (участниками) с большим пакетом акций (долей) – мажоритарными субъектами. Если ко всему прочему, принимать во внимание позицию Мажуриной П.В.

(обозначенной выше), нормы могут носить безвозмездный характер. Тем самым, находясь под влияние мажоритарного акционера, миноритарии оказываются в уязвимом положении. Ведь фактически нормы корпоративного договора связывают воли сторон при реализации корпоративных прав. Данное явление можно рассматривать как ограничения правомочий акционеров в осуществлении их корпоративных прав и обязанностей. Корпоративный договор не должен быть направлен на ущемление прав акционеров или нарушение иных норм российского законодательства.

Возможно ли обязать третьих лиц совершить действия (бездействия) в рамках корпоративного договора? Если возможно, то в каких случаях это допустимо и как необходимо это закрепить в условиях корпоративного договора?

Обратимся к судебной практике, а именно к Решению Арбитражного суда от 30 мая 2018 г. № А56-105450/2017 г. Санкт-Петербург **[10]**. В рамках данного дела - два участника: Василевский В.Н. и Двуреченский С.А. – субъекты корпоративных отношений ООО “Промкомплект”. Василевский В.Н. требовал возместить ему 200 млн, положенных за неисполнение Двуреченским С.А. условий корпоративного договора. 1 марта 2017 года между Василевским В.Н. и Двуреченским С.А. было заключен корпоративный договор, в соответствии с условиями которого Василевский В.Н. обязался передать Двуреченскому С.А. свою долю в уставном капитале ООО «Промкомплект» и проголосовать «за» назначение Двуреченского С.А генеральным директором в срок 10 дней с момента подписания настоящего Соглашения (п.1.3 Соглашения). Также Двуреченский С.А. обязался отказаться от всех заявленных им и его аффилированными лицами исковых требований в Арбитражном суде города Санкт-Петербурга и Ленинградской области и судах общей юрисдикции к Василевский В.Н и всем аффилированных с ним лицам а также от предъявления в последующие три года с момента подписания настоящего Соглашения таких исковых требований во всех судебных инстанциях (п. 1.1 Соглашения). Корпоративный договор предусматривал, что Двуреченский С.А., обязался

обеспечить принятие ООО «БЕСТ», ООО «РосСтрой», ООО «Промкомлект») и иных лиц, решений об отказе от исковых требований по делам, указанным в приложении к настоящему Соглашению, и представлению заявлений об отказе от исковых требований в суд. К тому же, в пункте 1.4 Двуреченский С.А. заверяет Василевского В.Н. об отсутствии в судебном производстве исковых требований Двуреченскому С.А и аффилированных с ним лиц к Василевскому В.Н и аффилированных с ним лицам, помимо указанных в Приложении к настоящему Соглашению. А также Двуреченский С.А. заверяет Василевского В.Н (п.1.5 Соглашения), что не имеет никаких претензий имущественного и неимущественного характера к Василевский В.Н. Наконец согласно п.2 Соглашения стороны предусмотрели ответственность за нарушение условий Соглашения: так за нарушение Сторонами настоящего Соглашения, – предусмотрен штраф в размере 200 млн. руб.

После заключения корпоративного договора, Василевский В.Н., выполнил свои обязательства в плане передачи Двуреченскому С.А. своей доли в уставном капитале ООО «Промкомплект» и проголосовал «за» назначение Двуреченского С.А генеральным директором в установленный корпоративным договором срок. Двуреченский С.А не выполнил свои обязательства в плане: аффилированные с ним лица не отказались от исковых требований к Василевскому В.Н. и аффилированным с ним лицам по судебным делам (указанные в приложении к корпоративному договору), поддержали все ранее заявленные исковые требования, а также обратились в арбитражный суд с новыми исковыми требованиями к Василевскому В.Н. и его аффилированным лицам. При этом всём, суд удовлетворил требования Василевского В.Н. о взыскании 200 млн. рублей за нарушение норм корпоративного договора.

Данные судебные решения открывают примеры предмета корпоративного договора, которые, предположительно относятся к иным действиям по управлению обществом (67.2 ГК РФ). Так, стороны могут предусмотреть норму, при которых одна из сторон откажется от исковых требований в пользу другой стороны. Мало того, что сама сторона может взять данные обязательства, но и

установить иных (третьих лиц), которые находятся под контролем одной из сторон корпоративного договора. Данный, признанный судом, пункт корпоративного договора является, как минимум спорным, ведь корпоративный договор не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон. Действительно, здесь делается упор именно на афиллированность данных лиц (находящиеся под контролем субъекта корпоративного договора), при этом в доказывании факта контроля (подчинения) данных субъектов, нет необходимости.

Кроме того, не совсем понятен перечень возможных правоотношений, которые могут быть урегулированы в предмете корпоративного договора. Например, иные действия по управлению обществом, что к ним относится. Судя по всему, в данных правоотношениях необходимо устанавливать правоотношения таким образом, чтобы они не противоречили законодательству, уставу, не препятствовали осуществления цели данного института и не нарушали бы права хозяйствующих субъектов.

Таким образом, некоторые проблемы корпоративного договора заключаются в том, что, исходя из основ законодательства о юридических лицах, корпоративного договора, а также судебной практики, определяется отрицательная тенденция в рамках которой происходит нарушение общих принципов осуществления предпринимательской деятельности, а именно ограничений в извлечении прибыли. В настоящий момент, судебная практика подтверждает лишь моменты ограничения в получении прибыли, заменив прибыль (в том первоначальном смысле) на денежную компенсацию. На наш взгляд законодателю необходимо внести изменения, которые бы касались возможности установления минимальной суммы компенсации за те ограничения, которые устанавливались бы корпоративным договором. Также, на наш взгляд, необходимо закрепить открытый перечень иных действий по управлению обществом для понимания субъектами права примеров возможных правоотношений, а также определения спектра дальнейшего формирования судебной практики.

Список использованных источников

1. Договорное право. Книга первая: Общие положения / Брагинский М.И., Витрянский В.В. М.: Статут. - 2011. - 847 с.
2. Качалова А.В. О свободе корпоративного договора и ее пределах // Законодательство. - 2018. - №9. - С. 17-24.
3. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. Т. 1: Учебно-методическое пособие / Шиткина И.С. М.: Статут. - 2017. - 990 с.
4. Мажурин П.В. Корпоративный договор в системе гражданско-правовых договоров // Политика, государство и право. - 2016. - № 5 [Электронный ресурс]. URL:http://politika.snauka.ru/2016/05/3938 (дата обращения: 08.06.2018).
5. Осакве К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. - 2006. - №7. - С. 87-94. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-dogovora-v-anglo amerikanskom-prave-ponyatie-suschnost-i-ogranicheniya (дата обращения: 29.11.2018).
6. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 июля 2017г. по делу №А4-6577/2016 // Официальный сайт суда. URL: http://19aas.arbitr.ru/rewies (дата обращения:03.09.18)
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах" // Вестник ВАС РФ. - 2014. - №5.
8. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31 марта 2017 г. N Ф03-691/17 по делу N А51-10201/2016 // Официальный сайт Арбитражного суда. URL: http://fasdvo.arbitr.ru/reviews (дата обращения: 06.12.2018)
9. Решение Арбитражного суда Санкт Петербурга от 30 мая 2018 г. № А56-105450/2017 // Официальный сайт суда. URL: http://spb.arbitr.ru/cases/cdoclist (дата обращения: 04.12.2018)
10. Садовая И.Г. Принцип свободы гражданско-правового договора в российском праве // Отечественная юриспруденция. - 2017. - №10. - С. 12-14 (24).

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-grazhdansko-pravovogo-dogovora-v-rossiyskom-prave (дата обращения: 19.01.2019).

ОТЗЫВ
НА СТАТЬЮ Г.А. СЕРОБЯН И А.А. ЯКОВЕНКО «ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

Иванов Александр Михайлович
канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток
Ami_25.07@bk.ru

Aleksandr M. Ivanov
Dr. of Law, Assistant professor of Chair of Theory & History of State and Law, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok

Появление подобных работ, думается, явление далеко не случайное. И авторы данной статьи верно указывают, что об использовании систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) пишут и говорят в последнее время, действительно, много. Формируются целые направления в научных исследованиях, создаются специализации в магистратурах. В статьях и отчетах об исследовании, как правило, изобилие малопонятных для массы населения слов, среди которых на первом месте «искусственный интеллект», «информационное общество» «информационное пространство», «киберпреступность». На многих эти слова оказывают «завораживающее» впечатление. Поскольку они звучат необычно, то у многих складывается впечатление, что возникают какие-то новые отношения в связи с ними. Поэтому,

привлечение авторами настоящей статьи внимания к проблемам, связанным с использованием ИИ, делает статью вполне актуальной.

Авторы статьи, исходя из названия, логично поделили содержание на две части, представив в одной этические проблемы, а в другой сделав упор на правовые проблемы, связанные с использованием ИИ.

Суть всех этических проблем сводится, в основном, к тому, что возникает опасность того, что ИИ может независимо от разработчиков, самообучаясь, разрабатывать и применять аморальные программы, которые реально могут причинить вред обществу. Другой стороной этой проблемы высвечивается попытка переноса на ИИ свойств человека или живого существа, что вызывает необходимость соответствующего отношения к вещи. Здесь назревает весьма серьезная проблема. Ведь, если вещь обладает свойствами человека, то не стоит ли наделить ее и «правами человека»? Каковы же могут быть тогда пути выхода из создавшейся ситуации? Перечисляя этические проблемы, существующие и возможные, авторы привлекают внимание читателя к этим проблемам, однако подобные проблемы уже были озвучены не раз, в том числе и в приводимой авторами использованной литературе. Поэтому, ожидалось, что авторы уже не ограничатся лишь обращением внимания на перечисляемые этические проблемы, но предложат свое видение их решения. Это существенно бы усилило доводы авторов.

Что касается правовых проблем, то верно отмечено, что «подходы к правовому регулированию использования и разработки технологий искусственного интеллекта, по сути, обладают в немалой степени той же спецификой, что и подходы к правовому регулированию технологических инноваций в целом, которая, однако, несколько осложнена» (П.М. Морхарт). Далее авторы полагают, что правовое регулирование усложняется еще и тем фактором, что методы и способы разработок и применения систем ИИ постоянно совершенствуются и принятые нормативные акты могут затруднять и создавать некие барьеры в развитии систем ИИ. К тому же, законодатель будет ограничен в своей осведомленности о системах ИИ. Развитие систем ИИ сейчас очень

быстротечно и очень сложно предугадать, какого уровня развитие достигнет в ближайшем будущем.

Такой вывод, на наш взгляд, лишает активности и исследователей и законодателя, поскольку остается наблюдать и гадать, что будет происходить, и будет ли происходить. Представляется, что на это и рассчитывают те, кто ввел и вводит в этой сфере «завораживающие» слова в оборот. Дескать, пока не урегулированы эти отношения законодательно, то к ответственности за злоупотребления в этой сфере никого привлекать нельзя. Это весьма напоминает обоснование появления большого количества законодательных актов, мол, нынешний мир – совершенно новый, изменившийся, не тот, что в древние или средние века… Тем самым указывается на необходимость норм, которые пока не могут быть составлены в силу того, что не известно, в каком направлении будет использование ИИ развиваться. Возникает своего рода «порочный круг». В свое время так было с некоторыми преступлениями с использованием компьютера. В связи с этим, в России создана система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы государства.

В литературе отмечалось, что «проблема киберпреступности в рамках глобализации информационных процессов и развития информационного общества в России, к сожалению, остается в категории недостаточно разработанных… При этом следует отметить, что мировое сообщество также еще находится в процессе выработки единой политики в указанном вопросе, о чем свидетельствует непрекращающаяся работа представителей различных государств в борьбе с киберпреступностью». (Философия права, 2013. № 4. С.31-34. Е.В. Поликарпова, А.М. Пахомов. Киберпреступность в информационном обществе)

Между тем, упускается из виду, что ИИ не имеет возможности воспроизводиться. Для воспроизводства нужны ресурсы, которых ИИ не имеет и не будет иметь. ИИ – это инструмент, орудие, средство. Ответственность за использование всякого инструмента или средства, орудия совершения

преступления несет исполнитель. Образно говоря, виновата не палка, ударившая собаку или человека, а тот, кто эту палку держит в своих руках. В настоящее время политическая воля такова, что ответственность стремятся устанавливать лишь за конкретно прописанное деяние, например, за то, «какая палка в руке», но это, по сути, ответственность не столько за деяние, сколько за образ инструмента. То есть преступным признается не деяние, само по себе причиняющее вред, а способ его совершения и наличие его в законе.

Известно, что за подстрекание к противоправным действиям лица, недееспособного (либо невменяемого) в силу разных обстоятельств (малолетний возраст, умственная отсталость, состояние опьянения и пр.), натравливание собаки и др., ответственность за причиненный ущерб несет подстрекатель или лицо, использующее неадекватность иного лица либо животное в своих противоправных целях. Использование искусственного интеллекта, на наш взгляд, вполне сравнимо с такими случаями.

Пути решения как этических, так и правовых проблем использования ИИ, на деле, просто не замечаются теми, кому выгодно их не замечать. Однако общественные традиции позволяют решать их весьма эффективно при наличии политической воли. Более настойчивый подход к решению проблем, указанных авторами в статье существенно усилит выводы, которые, надеемся, будут в следующих их исследованиях обозначаться рельефнее.